

Максим Дмитриевич Хорсун

Пусть всегда будут танки

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11299148
Пусть всегда будут танки / Максим Хорсун: Э; Москва; 2015
ISBN 978-5-699-82311-6

Аннотация

1969 год – Лунная гонка оборачивается военным противостоянием СССР и США. Полем битвы становится Луна, оружием – дистанционно управляемые танки-роботы класса Оса и Хаунд.

2020 год – время глобального кризиса. Танкисты частной военной компании «Дозор» отправляются на Луну, где корпорации вот-вот начнут войну за области, богатые гелием-3.

Василий Левицкий – советский офицер, мечтавший о космосе, – управлял лунным танком из крымского Центра дальней космической связи, его внук Антон – наемник без принципов – сам сидит в кабине Осы. Два разных поколения, две разных войны, лишь только танки – всегда остаются танками...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	30
Глава 5	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Максим Хорсун

© Хорсун М., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2015

* * *

Посвящается годам жизни, потраченным на танкосимуляторы

Глава 1

Наверное, надо начать каким-то прологом.

Кто его знает... Когда ходил по комнате, курил, размышлял, все казалось очевидным. А сел записывать, так слова разлетелись, словно их кто-то испугнул. Крутится в голове что-то неопределенное, зыбкое. Ну ладно, под лежащий камень вода не течет. Начну, как получится, а дальше видно будет. Прорвемся.

Служил в Центре дальней космической связи старлей Сашка Шувалов – так он, прохвост, переименовывал наши названия на западный лад. 55-миллиметровую пушку «Катран» почти ласково называл «Шарки», а танковый корпус типа «Оса» – «Васпом». Чего еще следовало ждать от офицера связи по прозвищу Пресли, чья работа – день и ночь слушать «вражеские голоса»? «Васп» как-то не прижилось: грубо, холодно звучало, а вот Шарки народу понравилось. Шарки – шкварки, стрелять – шкварить, значит, и это было почти по-нашему. Так с легкой руки Шувалова стали называть новое оружие и рядовые, и старшие офицеры. Даже сам академик Королев говорил «Шарки», я сам слышал.

Замполит части майор Вайман бесился, конечно. Грозил пальцем, вызывал в кабинет, но мы ведь были не салагами зелеными. Не курсантами лопухими. Как-никак – особый танковый взвод, кандидатуру каждого лично главнокомандующий утверждал, на горох нас было не поставить.

Вот и бурчал Вайман, собрав наш экипаж в прокуренном кабинете с окнами на техническую зону. Была видна чуть наклоненная к горизонту чаша радиотелескопа-гиганта ТНА-400 и заполненный стоячей водой бассейн для охлаждения антенной станции Куб-Контур. Вместо воды давно использовали жидкий азот, и в бассейне надобность отпала: в нем теперь плавали утки, а когда никто не видел – плескались солдаты.

– Что за низкопоклонство перед Западом? На кой ляд эти варваризмы, товарищи офицеры? – с укором вопрошал замполит. – Танк «Оса» – самая совершенная боевая машина, которую строили всем Союзом! «Оса» – означает «Опора советской армии», это вам не какой-нибудь «Васп»! И танковое оружие «Катран» – это «Катран», других названий у него нет! – Вайман для солидности надувал потные щеки и топорщил усы.

Да, случались такие эпизоды. Смешно теперь вспоминать. А вообще мы тогда работали из «Шарки» по стационарным мишеням и по технологическим макетам, имитирующим штатовские «Хаунды». Шкварили что будь здоров – заклепки во все стороны летели. Мы готовились к войне. К первой войне, которая должна была происходить не на Земле. И какая, спрашивается, псу разница, как мы назвали между собой оружие? Главное, чтоб болванки ложились в цель.

События, из-за которых моя жизнь сложилась именно так, как она сложилась, а не так, как планировал я или кто-то из моих близких, начались в середине 1967-го.

Я отучился в Уральском политехе на радиоинженера, а потом меня призвали в армию. Службу проходил на НИПе – научно-измерительном пункте – в Ленинградской области. После военной кафедры я уже был молодым лейтенантом, смотрел на мир восхищенными, широко открытыми глазами, имел ноль боевой подготовки... и, казалось бы, при чем здесь танки? Благодаря какой прихоти судьбы меня занесло в элитный танковый взвод?

В те годы НИПы строили по всему Союзу – от Крыма до Камчатки. Нужны они были, чтобы управлять космическими кораблями и спутниками, которых на орбите уже вертелось – на пальцах не пересчитать. Все НИПы выстраивались в линию, обеспечивая бесперебойную связь при пролете космического аппарата над территорией СССР. Я же работал на радиолокационной станции Висла-М: с ее помощью определяли координаты штатовских спутников-шпионов.

Служба шла ни шатко ни валко; я вяло переписывался с девушкой, которая ждала меня в родном Свердловске, сейчас уже не помню, как ее звали. Хотя нет, вру. Помню. Да какая теперь разница? Я полагал, что на гражданке мне предстоит пойти по надежному, верному пути, проторенному тысячами или сотнями тысяч таких, как я. Что буду до пенсии корпеть в одном из «ящиков», собирая устройства наподобие осточертевшей Вислы.

Но одним июньским утром командир НИПа – инженер-полковник Одинцов – объявил на построении, ждем, дескать, мы комиссию из Москвы, могут понадобиться добровольцы с отменным здоровьем для участия в некоем космическом проекте. Мол, подумайте, найдутся ли такие среди наших офицеров.

Помню, как забухало сердце. Как вспотели ладони и возникла внутри маета, словно перед первым свиданием.

Мы все мечтали о лаврах космических первопроходцев. Тайком или вслух, но все как один. Такой был энтузиазм, что готовы были лететь хоть на Луну, хоть на Марс, хоть на Сатурн. Пускай – билет в один конец, пускай – верная смерть, но мы без сомнения пожертвовали бы жизнью, только чтобы наша держава вырвалась вперед в космической гонке, которую уже почти десять лет вела со Штатами, пропади они пропадом. Само собой, мы были во всем первыми, но американцы наступали на пятки, второе место ястребов не устраивало. Они начали год с испытаний нового космического корабля «Аполлон», мы не один раз «вели» экспериментальные аппараты, определяя их орбитальные параметры с помощью наших станций слежения. Но даже, наверное, не в соперниках-американцах было дело, просто мы верили в прогресс, в науку, в то, что для советского человека нет ничего невозможного. Космос мы представляли еще одним океаном, который просто нужно переплыть и за которым нас ждали новые земли, новые горизонты, новые открытия.

В общем, вызвался я добровольцем. Без малого двенадцать человек нас таких оказалось. Все подшучивали друг над другом, волновались, само собой. Кто-то в чай вместо сахара соли насыпал, кто-то принимался «Правду» читать, держа газету вверх ногами. А что с оборудованием вытворяли – лучше и не вспоминать.

К вечеру вызвали меня к командиру.

– Товарищ полковник! Лейтенант Левицкий по вашему приказанию прибыл!

Полковник указал на стол для совещаний, за которым сидел перед кипой бумаг и десятком раскрытых папок незнакомый мне человек в гражданской одежде.

– Присаживайся, Василий Алексеевич, – благостно пробухтел командир, – сейчас из тебя космонавта делать будут.

Человек, сидящий за столом, отвлекся от бумаг и поднял взгляд. Посмотрел с пристрастием, словно мысли мои прочитывать хотел. От сосредоточенности переносицу его прорезала глубокая морщинка. Не вычитав в моих мыслях ничего крамольного, человек устало улыбнулся.

– А вы недурно справляетесь, лейтенант, – сказал он. – Да вы присаживайтесь...

Я сел, поерзал на сиденье стула.

– Недурственные показатели, говорю, – продолжил человек, так и не представившись. – И характеристики одна другой краше, и институтская, и армейская. – Он переложил несколько листов из стопки в стопку. – Хочу побеседовать с вами. Расскажите, откуда вы, кто ваши родители.

Мое личное дело лежало у товарища из Москвы перед носом, но он, очевидно, просто проверял, как я владею собой. Ведь и мне часто встречались такие ребята: вроде умные, толковые, а когда надо было что-то рассказать, выступить или просто пообщаться с руководителем – двух слов связать не могли. Какое-то досадное косноязычие появлялось, словно русский язык им не родной. К счастью, я к таким не относился, с удовольствием участвовал в научных чтениях и выступал с докладами на уроках политинформации и в Доме офицеров.

Я рассказал, что родители мои переехали в Свердловск из Киева, что сами мы из рабочих, что отца пригласили на «Уралмаш», где он по сей день ударно трудится, а мать – учитель младших классов. Я же – первый в нашем роду, кому посчастливилось получить высшее образование.

Полюбопытствовал человек, как у меня со здоровьем. Ну, тут без слов все было на виду: мускулы гимнастерку распирали. И рожа широкая, раздобревшая на столовских щах да кашах.

Я ответил, что жалоб не имею.

– Хорошо, – сказал он тогда. – Почему вам интересен космос?

О! Я перечислил имена всех космонавтов, рассказал, что вдохновлен их подвигом и что тоже мечтаю сделать свой вклад в развитие советской космонавтики. Что по долгу службы работаю удаленно с разными типами космических аппаратов, но мечтаю управлять ими не дистанционно, а своими руками и своими же глазами видеть звезды и изгиб Земли...

В общем, получилось горячо и от души. Человек глубокомысленно покивал, а затем спустил меня с небес на землю новым вопросом:

– Какими транспортными средствами управляете?

– Никакими, – пришлось признаться мне. Голос у меня был при этом, наверное, как у покойника.

Размечтался, Вася. В космонавты берут летчиков, не просто летчиков – асов. Гагарин пришел в отряд космонавтов из истребительной авиации Северного флота, Леонов тоже был перехватчиком. А я даже бричкой никогда не управлял.

Человек опять внимательно поглядел на меня.

– Трактором? Автомобилем? Мотоциклом?

– Никак нет, – опустив голову, произнес я.

– Ну, может, хотя бы велосипедом? – уточнил он. Очевидно, он пытался «вытянуть» меня, как «вытягивает» преподаватель запинаящегося отличника.

Только вот беда: велосипеда у меня тоже никогда не было. Пришлось снова покачать головой и удрученно промычать «никак нет».

– А скакать верхом умеете? – снова спросил человек.

И снова – никак нет. Не умею. Ни верхом на лошади, ни на осле, ни на корове. На палке скакал в детстве, когда играли во дворе в Чапаева, но ведь не этого ждал от меня незнакомец в цивильном костюме.

– Ладно, лейтенант, – сказал он с сожалением. – Вы свободны. Вас известят, если ваша кандидатура будет одобрена.

Ага, держи карман шире. Я откланялся. Мой командир – он наблюдал за собеседованием, сидя на подоконнике, – бодро подмигнул. Но я все равно чувствовал себя словно в воду опущенный. Впрочем, нужно было с самого начала не питать иллюзий – не в сказке живу. Но тогда мне было всего двадцать три, и наивная вера в чудеса еще не выветрилась из головы.

Отправился я служить дальше. Под капониром, где скрывалась радиоаппаратура Вислы, только и говорили что о добровольцах да неведомом космическом проекте. Мое появление вызвало целый град вопросов, под которым я совсем сник.

– Не вышел я рылом, братцы, – поспешил отмахнуться, не вдаваясь в детали. – Чтоб какого-то летеху – да в отряд космонавтов? Там не дураки сидят... – «Там» я многозначительно выделил голосом, а спроси меня «там – это где?», я бы не нашелся, что и ответить, совсем «зеленым» был.

– Правильно рассуждаешь, Василий, – отозвался начальник станции, капитан Кравченко, – лучше «Аполлон» на мушке, чем Луна под сапогами.

– Так точно, – со вздохом ответил я.

– Да не журишь, – принялись утешать, как могли, ребята. – Вздыхаешь, как из-за неразделенной любви. Ты нам расскажи лучше о той, которая письма тебе пишет.

– А еще лучше – поработай, – бросил, отвернувшись к приборам, Кравченко. – Крепче за верньеры держись, связист. Пока вы хнычете, что вас замуж никто не берет, над Тюратамом снова какой-то америкашка собирается пролететь, ага. А мы до сих пор о нем ничего не знаем.

Я тогда подобрался, выкинул из головы мечты о космосе и собеседование с незнакомцем, занялся делом. И остальные занялись делом.

Через два дня, снова после утреннего построения, полковник Одинцов распорядился, чтоб я зашел к нему после перекура. Ну, приказал и приказал. Мало ли по какому поводу он мог вызвать офицера. И каково же было мое изумление, когда я распахнул дверь кабинета и сейчас же услышал в свой адрес:

– Собирай чемоданы, космонавт. Бери мою машину и поезжай на вокзал. В Москве тебя ждут. Не посрами часть!

Едва сдерживая радость, я рывком козырнул, а затем стремглав кинулся в общежитие.

– Эй-эй! – помню, крикнул мне вслед Кравченко, когда перед входом в штаб части я едва не сшиб капитана с ног. – Левицкий, прешь как танк!

– А я в Москву еду! – бросил ему на бегу.

– Вот те на. – Кравченко сдвинул фуражку и почесал вихрастый затылок. – Поди, повезло зубрилке!

Сказано – сделано.

Конечно, руки чесались написать родителям. И перед барышней хотелось похвастаться, но недаром на ленинградском НИПе на побеленной стене длинного лабораторного корпуса было выведено красной краской: «Не все говори, что знаешь, но всегда знай, что говоришь». Я никому ничего не сказал, даже ребята, кажется, не поняли, куда я исчез. Все были на посту, когда я забросил чемодан в «уазик» полковника, а затем после короткого инструктажа и напутствий вышедшего меня проводить Одинцова забросил на сиденье себя, и прыщеватый водитель вдавил каблуком солдатского сапога педаль газа.

«Вот он умеет управлять транспортными средствами, – подумал я, искоса поглядывая на старшину, вцепившегося ухватистыми ручищами в баранку, – но его не берут в космонавты...»

А дальше был вокзал, поезд, умытая ливнем Москва... Я ничего не пил и не ел, я даже не ходил в туалет, извиняюсь за подробность, мне было не до того. В голове набатом стучала одна и та же мысль: «Я буду космонавтом!»

Я уже представлял свое фото на первых полосах всех советских и зарубежных газет и как меня повезут на огромном кабриолете «ЗИЛ» по улицам Москвы и столиц советских республик, как будут греметь фанфары, а с небес сыпаться конфетти. Представлял я себя в кабине космического корабля и рев могучих двигателей, поднимающих серебристую иглу ракеты-носителя над грешной землей. Представлял мягкую, точно свежий морозный снег, лунную пыль. Как я, облаченный в скафандр, побреду по залитой солнцем долине – в одной руке – геологический молоток, в другой – пистолет – к скалам, испещренным прожилками драгоценных металлов.

Безусловно, я понимал, что только-только ступил на долгий и сложный путь и что может случиться так, что я сломаюсь, не осилю этой ноши. Но когда ты молод, полон сил и как следует мотивирован, то кажется, что все по плечу. Вперед, только вперед, и так – до самой победы!

Первым пунктом в моей московской командировке значилось посещение Института медико-биологических проблем. Здесь я должен был пройти какое-то особенно пристраст-

ное обследование, что, впрочем, меня не особенно заботило, ведь ранее я без проблем проходил любые медосмотры.

В институте приняли приветливо. Все улыбались, девушки в белых халатах строили глазки... но если б я знал, *что* здесь со мной будут делать в течение следующих трех недель! Хотя, наверное, все равно бы не сдрейфил. Упертый я был, целеустремленный. И не из пугливых. Без хвастовства говорю, очень тяжело пришлось, и человек шесть из нашего отряда сбежали по своей воле, да. Не выдержали испытаний.

Но это я забежал вперед. Меня поселили в палате, похожей на гостиничный номер. Там уже хозяйничал чернявый парень, который представился старлеем Григорием Апакидзе. Он, как и я, служил на НИПе, но в Грузии – в поселке Сартычалы. Мы посмеялись, прикинули, как весело, наверное, погонять в футбол на Луне, в общем, дурака поваляли, а потом потопали в столовую.

Выяснилось, что счастливчиков вроде меня набралось без малого тридцать человек. Мы стали знакомиться, общаться. Все мы были офицерами связи и работали с космосом. Кто-то служил на НИПах, кто-то – на Командно-измерительных комплексах, КИКах, где обрабатывались данные, полученные с НИПов, кто-то служил в противоракетной и противоспутниковой обороне. Коллеги, одним словом. Атмосфера сразу стала непринужденной, товарищеской.

– А я думал, что провалился, когда пришлось признаться, что не умею даже на велосипеде ездить, – жуя котлету, поделился я. – Я думал, что меня высмеют и выставят вон.

Беседа сейчас же оживилась. Оказалось, что мои новые друзья – такие же чайники по части вождения, как я. Никто даже на самокате в детстве не катался.

– Что-то тут нечисто, – вынес вердикт, смешно шевеля длинными усами, здоровенный, косяя сажень в плечах, хлопек с новосибирского НИП-12 Коля Горобец. – Рассчитываем на одно, а получим совсем другое.

– Дело говоришь, – согласился Гришка Апакидзе, – вот ты точно в скафандр не влезешь.

– Генетика такая. – Горобец снова пошевелил усами и отправил в рот целую котлету с куском хлеба.

Остальные как-то притихли, призадумались.

– Может, нужны офицеры связи для работы на орбите? – предположил белобрысый капитан Прокофьев с подмосковного КИКа.

– Или для службы на лунной базе, – поддержал Идрис Алиев, еще один мечтатель, попавший в наш отряд с полигона Тюратам, известного в народе под более звучным названием «космодром Байконур».

Оба предположения были приняты отрядом на ура. Тревожное сомнение, что едва успело проклюнуться в наших сердцах, исчезло бесследно. Но все же, доедая второе и утоляя жажду компотом из сухофруктов, офицеры усиленно скрипели извилинами: пока мы ни на шаг не приблизились к ответу на вопрос, в каком проекте нам предстоит принимать участие.

К вечеру отряд увеличился на восемь человек. На следующий день – на двенадцать. Добровольцы прибывали и прибывали. Мы с Гришкой только переглядывались, ощущая что-то вроде ревности. Чем больше людей примет участие в отборе, тем мельче окажется сито, через которое нам предстоит пройти.

А еще через день люди стали выбывать.

Руководил обследованием профессор Козлов: он разглядывал нас сквозь стекла очков, точно насекомых. В его желтых глазах читалась циничная усмешка, хотя тонкие губы никогда не посещала даже тень улыбки. Я через какое-то время понял, что профессор тогда уже знал, для чего нас отбирали. И его наверняка распирало от смеха.

Впрочем, на этом этапе нам не удалось выведать ни полслова. Легенда оставалась прежней: тех, кто пройдет обследование, будут готовить для участия в новом космическом проекте. И на этом – точка, подробностей – ноль.

По-моему, доктора проверили каждый мой внутренний орган. Прощупали и даже заглянули внутрь. Не приходит в голову хотя бы один вид анализов, который не пришлось бы сдать. Убедившись, что в обычном состоянии со мной все путем, они взялись проверять меня на самые разные воздействия. Вестибулярный аппарат тестировали на специальном, воистину адском кресле. Затем испытали на устойчивость к перегрузкам в центрифуге, в барокамере – к перепадам давления. Это помимо обычных нагрузок вроде беговой дорожки или турника. А после – снова перебирали по органу.

Мне везло. Организм работал как часы. Других добровольцев Козлов выбраковывал без сомнений и сожалений, стоило ему найти хотя бы малейший изъян в ломаной линии кардиограммы или в сухих цифрах с данными по биохимии.

Козлов, работая с нами, как будто получал садистское удовольствие. Испытания в центрифуге проходили следующим образом. Скорость вращения постепенно нарастала. Время от времени раздавался звуковой сигнал, после которого мы должны были подтвердить, что с нами все в порядке. Когда перегрузки становились такими, что говорить уже было невозможно, Козлов заставлял нас мычать. Если врачи на очередной сигнал ответ не получали – это происходило потому, что испытуемый терял сознание, – центрифугу останавливали и в медкарту записывалось, что доброволец не способен выдержать перегрузок с таким-то значением.

Это длилось три долгие недели. И по утрам нужно было бодро впихивать в себя манную кашу, хлеб с маслом да чай; каждую секунду приходилось держаться огурцом, делая вид, что с тобой все в порядке и что испытания – так, пустяк, плюнуть и растереть. Беседовать с медперсоналом, улыбаться всем. Я ведь уже говорил, что шестеро из нас пожелали отступить. Они вернулись на службу без какого-либо осуждения со стороны остальных.

Но зато теперь мы были полностью уверены, что после этой больнички нас ждет отряд космонавтов. Иначе зачем нас было так мучить? Не в трактористы же нас готовили...

Я не отступил, я прошел все испытания. Моему соседу Гришке тоже повезло, Горобцу повезло, хотя ему пришлось вообще сурово, поскольку он был тяжелее остальных: во время испытаний в центрифуге собственный вес раскатывал Горобца в блин. Всего же из сорока пяти офицеров, отобранных для прохождения обследования, Козлов подтвердил пригодность лишь девятнадцати... Пригодность к чему? Это нам предстояло выяснить в ближайшие дни.

Ветреным утром в институт приехал низенький и круглый, похожий на пушечное ядро, майор и приказал всем, прошедшим обследование, собирать вещи. Пришла пора второго этапа моей космической эпопеи. Но на сей раз пришлось покинуть столицу и переехать в город Калининград Московской области.

Автобус миновал железнодорожный переезд, на несколько секунд притормозил перед КПП, затем проехал за железобетонный забор и остановился перед двухэтажным зданием, которое выглядело словно усадьба помещика. Чуть правее «усадьбы» располагалось строение пониже и посовременнее с рядом высоченных дверей. К дверям мы и направились. «Особое конструкторское бюро-1», – прочитал я на табличке, и сердце мое радостно заухало. Честно говоря, тогда я еще не знал, что именно в «ОКБ-1» проектируют ракеты-носители и космические корабли и что тут находится центр подготовки космонавтов. Но, получается, вроде как предчувствовало сердце-то.

А дальше был недолгий перекур, чай-пирожные в буфете, а потом – подписка о неразглашении в пропахшем лежалыми бумагами кабинете, потом – полутемный конференц-зал,

над которым солнцем вспыхнула хрустальная люстра, освещая и нас, и людей, расположившихся во главе стола для совещаний.

Двое – в гражданской одежде, один – в форме. Генерал-майор – ого-го!

Я рефлекторно вытянулся струной, рука судорожно рванула вверх, дабы отдать честь. Само собой, то же самое произошло и с остальными добровольцами. Секундой позднее я с удивлением понял, что генерал – не наш, а бронетанковых войск. Что он тут делает? Ведь не мимо же проходил.

– Вольно, – отмахнулся генерал. – Рассаживайтесь, ребята.

Я посмотрел на гражданских и сразу узнал человека, который проводил со мной собеседование на НИПе. Второй гражданский был постарше, но с таким же пронзительным, почти рентгеновским взглядом. Он-то и начал беседу:

– Меня зовут Михаил Клавдиевич Тихонравов. Я – научный руководитель проекта, для участия в котором выбрали вас, друзья. Мой коллега, – он кивнул в сторону человека, проводившего собеседование, – Семен Степанович Черников, конструктор. Тимофей Иванович Тур, – кивок в сторону генерал-майора, – заместитель командующего бронетанковыми войсками СССР, курирует проект со стороны Министерства обороны. Всех вас, конечно же, волнует вопрос, для чего именно вы понадобились Родине. Должен вам сообщить, и Тимофей Иванович подтвердит, что состояние, в котором находится наша страна сегодня, характеризуется как предвоенное. – Тихонравов сделал паузу, ожег нас рентгеновским взглядом и продолжил: – Ваша служба была, так или иначе, связана с космосом, поэтому нет необходимости читать лекцию о том прорыве, который был совершен в области ракетостроения и космонавтики в течение минувшего десятилетия. Однако в связи с этим появились и новые угрозы. Учитывая, что и советская, и американская космические программы нацелены на Луну, есть основания полагать, что именно там, на Луне, возможны столкновения наших интересов... Столкновения, так сказать, с применением разных типов оружия и боевой техники.

Добровольцы одновременно выдохнули. Шорох такой пронесся, словно роща зашумела.

Война! На Луне! Это нечто невероятное!

Нет, безусловно, война – это плохо. Любая война – это зло. И мы боремся с теми, кто жаждет войны. Выходит, теперь придется побороться за мир и в космосе. Оказаться с такой миссией на Луне, без преувеличения, – почетно. Это честь, черт возьми, для простого офицера вроде меня.

– Сфера ведения боевых действий расширяется, – сухо проговорил генерал-майор. – Мы умеем воевать в поле, на воде и под водой, в воздухе. Теперь мы учимся сражаться в космическом пространстве и на поверхности других небесных тел. И Луна – первая в списке внеземных объектов. Верховный главнокомандующий СССР Никита Сергеевич Хрущев распорядился создать силы быстрого реагирования с постоянным базированием на Луне и на ее орбите. Силы будут включать в себя спутниковую группировку и «танковый кулак», состоящий из специальных, приспособленных для работы в лунных условиях боевых машин. Из добровольцев же предполагается сформировать несколько экипажей для непосредственного управления новыми танками. Вы вызвались, чтобы участвовать в космическом проекте один раз, еще не ведая, чем вам предстоит заниматься, и вам предстоит подтвердить свое намерение снова. Тех из вас, кто согласится продолжить работу с нами, мы начнем готовить, можно сказать, с нуля.

Дух захватывало от слов генерал-майора! Сердце выдавало такую чечетку, что в ушах вибрировало. Нет, страшно, конечно же, стало. Шутка ли: на Луну, и не за камнями-сувенирами, а воевать. А на войне, знаете ли, убивают. И во сто крат опасней воевать в условиях космического пространства – среды, бесконечно враждебной по отношению к чело-

веку. Но я уже твердо для себя решил: соглашусь, что бы генерал-майор ни предложил. Хоть в связисты, хоть в танкисты, хоть в пехоту. Космос, Луна – подумать только! Похоже, судьба предоставила мне и моим друзьям шанс сделать что-то по-настоящему значительное в своей жизни. Что-то, ради чего не жаль и голову положить.

Какая-то неувязка портила картину. Какая-то мелочь...

Ах, точно: ни один из нас не умел управлять транспортными средствами. А танк – это вам не самокат.

Поскольку наш куратор по линии Министерства обороны вроде бы закончил излагать, я поднял руку, как в школе.

– Товарищ генерал-майор, разрешите обратиться?

– Обращайтесь, лейтенант, – отозвался тот незамедлительно.

Я спросил насчет нашего умения водить машину, точнее – об отсутствии такого навыка.

– Черников, поясните товарищам, – попросил генерал-майор.

– Так точно, – кивнул знакомый по собеседованию на НИПе человек. – Вам предстоит управлять совершенно новой техникой в особых условиях. Там другая сила тяжести, другая инерция, другой коэффициент сцепления... Нет ничего такого, к чему вы могли привыкнуть на Земле. Поэтому наработанные навыки не помогут, а скорее навредят. Допустим, забуксуете вы на склоне. Машинально дадите по газам, а на Луне от такого маневра танк подбросит и перевернет. Да будь вы хоть летчиками, хоть велосипедистами, в проект мы бы вас не взяли. Всему предстоит учиться с нуля, приобретать совершенно новые, особые рефлексы. Более того, мы сами будем учиться вас учить. Нет однозначно утвержденной программы подготовки операторов лунных танков, но мы над этим работаем. Поэтому для начала мы отправили вас на медобследование, словно вам предстоит обычный полет в космос. А вообще тренировки у вас будут особыми. Это все, что я имею сказать в ответ на ваш вопрос, товарищ Левицкий.

– Танком будет управлять экипаж из шести человек, – подхватил Тихонравов. – Есть опасения, что меньшему числу спецов с лунной машиной не справиться. В экипаж войдут: командир, водитель, штурман, бортинженер, стрелок и оператор остронаправленной антенны. Позднее мы определим, кому из вас какую функцию поручить.

Шесть человек на один танк? Это какой же размер должен быть у машины? Настоящая гусеничная крепость, выходит. Чудовище вроде танков времен Первой мировой войны.

– Товарищ Тихонравов, – подал голос Апакидзе. – Это ведь, не в обиду будет сказано, мы как селедки в банке окажемся.

Я молча кивнул. Григорий был, конечно же, прав.

И следом поднял руку Горобец.

– Разрешите узнать, службу предстоит нести вахтенным методом или на Луне для нас построят гарнизон? – У Горобца имелась семья: жена и сыновья-близнецы, в институте он показал мне их фото. Поэтому его беспокойство понимали все. Даже холостякам вроде меня было что терять на Земле. Но я бы мог решиться на такие жертвы, а вот ему нужно было миллион раз все обдумать...

Генерал-майор Тур хмуро хмыкнул. Тихонравов прищурился.

– Это почему же – как селедки в банке? Построим для вас просторный пункт управления, – сказал научный руководитель, пожимая плечами.

– Давайте не будем заблуждаться, товарищи, – проговорил Черников, и сердце мое защемило от нехорошего предчувствия. – В космос вы не полетите. Вы будете управлять танками дистанционно, в режиме реального времени, находясь на одном из НИПов. Вам предстоит стать, так сказать, земными, «сидячими», космонавтами.

Черников закончил говорить, и повисла тишина. У меня же возникло такое чувство, будто я либо что-то неправильно понял, либо не до конца расслышал. И что стоит мне задать уточняющий вопрос, как все встанет на свои места. Но это чувство владело мною всего несколько секунд. А дальше я ощутил себя ребенком, у которого перед носом повертели леденцом на палочке, но стоило открыть рот, как вместо конфеты туда сунули ложку с касторкой. Дальше участия в беседе я не принимал, потому что все основное уже было сказано, – чего переливать из пустого в порожнее. Я стал жертвой обмана. И что самое неприятное: я обманул себя сам. Никто ведь заранее не обещал, что мы станем космонавтами, речь шла только об участии в космическом проекте. И вот он – проект, участвуй, сколько душа пожелает...

– Мы не полетим на Луну? – все же переспросил капитан Прокофьев.

– Нет, – ответил как отрезал Черников. – Учитесь воспринимать информацию с первого раза, капитан.

– Зачем же тогда нас... – пробормотал Идрис Алиев. – И на центрифуге... – Он сглотнул, а затем развел руками в жесте, полном обиды. – И в барокамере...

– Операторы наших танков должны быть здоровыми, крепкими ребятами с хорошими нервами, – терпеливо пояснил Черников. – Мы выбрали среди большого числа добровольцев тех, кто нам подходит.

– Товарищи, никто вас взашей не гонит, – сказал генерал-майор. – Кто не захочет участвовать в проекте, тот отправится на прежнее место несения службы. Только учтите, что мы вас не потехи ради отбирали, не для вашего собственного форсу, а для дела. Вы Родине нужны.

– Все так, товарищ генерал-майор, – сказал капитан Прокофьев, разглаживая брюки на коленях. – Дайте нам покурить, подумать, обсудить. И мы вам доложим, что да как.

Тихонравов вопросительно взглянул на Тура, затем кивнул.

– Что ж, подумайте. Думать – не вредно. А вот курить лучше бросайте.

Мы друг за дружкой вышли из конференц-зала. Майор, сопровождавший нас в поездке, читал в приемной свежий выпуск «Советского спорта». Он не задавал вопросов и в ответ на просьбу Прокофьева молча вывел нас во двор. Мы оказались по другую сторону двухэтажной «усадьбы». Тут же отыскалась увитая диким виноградом беседка, в которую мы и ввалились всей гурьбой. В беседке общались два молодых майора, лица которых показались мне странно знакомыми. При нашем появлении майоры встали со скамейки и, небрежно козырнув в ответ, пошли, продолжая разговор, в сторону одного из множества расположенных на территории «ОКБ-1» лабазов.

– Надо соглашаться, – убежденно сказал Прокофьев. – Понятно, что это не то, на что мы рассчитывали. Но если мы можем быть полезны...

– Говорите сами за себя, товарищ капитан, – перебил его Горобец. – Купились мы с потрохами, сейчас только поменяем шило на мыло. Мы и раньше на НИПах вроде не бездельничали, а теперь – заново учись, да ответственности навалят...

Горобцу тяжелее, чем другим, пришлось в центрифуге, поэтому теперь он и вымещал свою обиду словами.

– Вот Левицкий вообще не собирался карьерой заниматься, отслужит срочную – и домой, – сказал Горобец, тяжело хлопая меня по плечу. – Ему тоже прока нет застревать на НИПе на всю жизнь.

Я же обратился к сопровождающему нас майору.

– А вы знаете, кто были эти двое? – я кивнул вслед отдалившимся офицерам.

– Попович и Быковский, – ответил тот как ни в чем не бывало. – Космонавты.

Все наши сейчас же притихли. Кто молча пыхтел сигаретой, кто просто глядел на отошедших на порядочное расстояние космонавтов. Попович и Быковский тем временем завер-

нули в открытые ворота лабаза, из которого доносился металлический лязг и вкрадчивый рокот мощного двигателя. Мне показалось, что в проеме ворот виднеется дульный тормоз артиллерийского или танкового орудия.

Я, кажется, говорил, что решение было у меня уже на тот момент, когда я вызвался добровольцем, еще не зная, собственно, во что ввязался. Не люблю я людей, которые юлят, постоянно меняя решение. Они скользки, и на них никогда нельзя положиться. Свое согласие на участие я уже дал, к тому же генерал-майор дельно заметил – нас позвали не для того, чтобы мы форсили, не для собственных амбиций, стало быть, а потому что страна нас звала.

Тем не менее четверо из нашего отряда пожелали выбыть. Их посадили в тот же автобус, на котором мы сюда приехали, и отправили в Москву. Горобец опять учудил: попрощался со всеми, сел в автобус, но выскочил обратно, не успев выехать за КПП.

...Есть такое распространенное заблуждение, что в Крыму больше всего солнца на южном берегу. На самом деле наибольшее количество солнечных дней в году – в Симферополе и в Евпатории. Поэтому именно в этих городах были построены Центры дальней космической связи. Ясная погода и отсутствие гор, закрывающих горизонт, – самые важные условия для качественной коммуникации. В Евпатории на НИП-16, не считая рутины с нашей орбитальной группировкой, работали в основном по Марсу и Венере. Если в репортажах программы «Время» осторожно сообщали о работе Центра космической связи, то имели в виду Евпаторийский НИП-16. Симферопольский же НИП-10 был тайной за семью или, скорее, семьюдесятью печатями. Хотя огромную чашу радиотелескопа ТНА-400 было заметно ну уж очень издалека. Помню, как я увидел это сооружение в первый раз. Контур гигантской антенны проступил из жаркого марева, что поднималось над убранными полями и стелющейся меж них трассы «Симферополь – Евпатория».

После хрущевского постановления о создании на Луне советского «танкового кулака» мощности НИП-10 были полностью переориентированы на работу с естественным спутником Земли. В чуть холмящейся степи, изобилующей балками и небольшими карстовыми скалами, на площади сто пятьдесят на двести пятьдесят метров нам сделали «песочницу» – полигон, имитирующий участок лунной поверхности с кратерами, трещинами и возвышенностями. Каждый день наша «Оса» выползала в «песочницу», чтобы экипаж мог потренироваться в дистанционном управлении.

И когда день, прошедший в учебе, в которой, как известно, тяжелее, чем в бою, подходил к концу, мы всем экипажем собирались возле танка. Мы сидели – кто на броне, кто на теплой земле, привалившись спиной к пыльным каткам, – курили, пили крымскую минеральную воду или чай из термоса, любовались закатом. Иван Прокофьев – командир, Григорий Апакидзе – штурман, Идрис Алиев – бортинженер, Николай Горобец – стрелок, Владимир Дорогов – офицер с НИП-10, коренной симферополец, присоединившийся к команде в последнюю очередь – оператор остронаправленной антенны... Ну и я – Василий Левицкий, приказом командующего бронетанковых войск повышенный в звании до капитана и назначенный на должность водителя «Осы». Каждый вечер мы болтали, всякий раз вспоминая, как однажды чуть было не стали космонавтами.

Глава 2

«Не болтай!» – такой плакат в стиле совок-панк с девицей в косынке, прижимающей к губам палец, висел в танковом боксе частной военной компании «Дозор». Поэтому уорент-офицер Антон Левицкий следил за своим языком, но держал ухо востро. Поговаривали, что радиоактивные руины поселка Морозово, уничтоженного китайской баллистической ракетой в результате алтайского инцидента 2018 года, используются в качестве полигона для испытания принципиально новых видов танкового вооружения. Здесь до середины нулевых хозяйничал НИИ им. Жукова – одиозное предприятие, обеспечивающее оборонку Российской Федерации всякими смертоносными железяками. После того как НИИ было захвачено рейдерским путем корпорацией «Гелий Про», институт продолжил свою деятельность, но уже в частнособственнических интересах совета директоров и его председателя – Дональда Макарова. Слышал Антон, что в Морозово отрабатывали экспериментальную пушку «Близард», которая была чем-то вроде огнемета, только с точностью до наоборот: била из сопла особым хладагентом, снижающим энергию молекулярных связей. Опять же – по слухам, броню, по которой прошелся «Близ», можно было крошить пальцами, как краюху черствого хлеба. Оружие завтрашнего дня, мать-перемать!

И теперь кто-то пытался ограбить «Гелий Про». Сценарий простой как пять евро-центов: стремительная атака легких танков, взлом сети НИИ, похищение файлов, затем – отступление на прячущихся в лесу воздушных носителях – кэриолах.

Последний пункт этого плана налетчики пока не выполнили. Морозовский полигон «Гелий Про» охраняли бойцы «Дозора», и если секрет нового оружия корпорации утечет к конкурентам, то страшно даже подумать, что случится с облажавшимися охранниками. Быть может, обольют тем самым хладагентом «Близа» и преподнесут в виде ломких ледяных статуй родственникам, слухи – и снова – слухи! – утверждали, что Дональда Макарова отличала особая изощренность, с которой он разделялся с теми, кто доставлял ему неприятности и не оправдывал ожиданий.

Поэтому и несется Антон на старенькой, но прокачанной по самое не могу «Осе» через фонящие развалины за последним уцелевшим налетчиком, и на правом фланге мчит, выжимая из импульсного двигателя максимальную скорость, «Хаунд» Милаша Щенкевича, а на левом – «Лис» Хусейна Байо. А в арьергарде натужно, но неуклонно, сшибая случайные препятствия, ползет «Тиран» командира танковой роты Сержа Николаева.

Качество связи – оторви и выброси, в наушниках хрипят и завывают помехи. Это институтские включили «глушилки» времен холодной войны и заблокировали налетчикам возможность переслать файлы подельникам. Теперь только – с компа на комп по кабелю, а если беспроводным способом – то не здесь, а в безопасном месте. Но до безопасного места нужно было еще добраться, и Антон собирался сделать все возможное, чтобы грабитель не ушел.

В окошке визора, работающего в режиме ночного видения, – черные росчерки дождя со снегом, бледно-зеленые груды битого камня и остатки стен, на которых можно разглядеть аккуратные пробоины, оставленные когда-то давно снарядами рельсовых пушек. И черное, как смола, тяжелое небо.

У налетчиков были «Лисы». Командир роты Николаев с позывным Босс продырявил один «Лис» из «Рельсотрона», а Щенкевич – позывной Оборотень – добил выстрелом с малого расстояния из «Шарки». Два неприятельских танка прижали к бетонным откосам на набережной Обского водохранилища и расстреляли, словно в тире. Антон – позывной Лева – в экзекуции не участвовал, на его машине стоял огнемет – самый ништяк для ближ-

него боя, но никак не для прицельных стрельб. Поэтому Антон сразу рванул за последним, четвертым, налетчиком и возглавил преследование.

Слабый тепловой след выдавал вихляющий «Лис»-беглец. Этот танк, само собой, быстрее «Осы», но Морозово – не чистое поле, среди руин особенно не разгонишься. И на руку Антону играло, что он знал эти развалины – как-никак полгода патрулировал полигон и его окрестности.

Ребята стреляли с флангов. В основном – «в молоко», но Хусейн – позывной Верблюд – один раз попал из «Шарки» четко в корму беглеца. Антон увидел, как по броне, под которой скрывался импульсный двигатель, скользнул плазменный шнур электрического разряда. «Лис» аж приподнялся на дыбы, его пушка, тоже, кстати, «Шарки» – самое дешевое, надежное и эффективное орудие всех времен и народов – вскинула дуло к обложенным тяжелыми тучами небесам. Тут-то Антон решил, что преследованию конец, но беглец врубил припасенный на крайний случай ускоритель, и «Лис», срезав гусеницами, точно рубанком, асфальт, припустил еще быстрее, чем прежде.

Антон матюгнулся и форсировал двигатель. «Оса» – вроде той, на которой рассекал по Луне еще дед Антона – Василий Левицкий, – содрогнулась, словно конь от удара плетью, и помчала, помчала, помчала... Ломая кирпичные стены, через лес ржавой арматуры, по грудам искореженного бетона, переваливаясь с борта на борт, с носа на корму...

Ох, не к добру вспомнился Антону дед – старый простатник, совок и ватник до мозга костей, обладатель скверного нрава и архаичной системы ценностей. Этот реликт, душой живущий в доперестроечные времена, давно вынес Антону мозги. Видите ли, не устраивало дедугана, что внук его служит в частной военной компании. Говорит, мол, ты, Антоша, – наемник и головорез... Наемник и головорез, блин! Нет, чтоб России служить в Вооруженных силах (ага – за пятьсот евро в месяц? держите карман шире!), ты же рискуешь жизнью в компании негров, поляков, американцев, а командир у тебя – голубой, и даже не скрывает этого, так, мол, в его профилях в социальных сетях и указано. Мол, Антоша, выродок, если не бросишь с врагами народа якшаться – наследства лишу. В общем, сложные отношения были в семье, и атмосфера – хуже некуда. Мало того что дед сам постоянно выносил Антону мозг, так он еще настраивал против внука остальных. Мать с отцом косо смотрели на Антона, хотя тот оплачивал матери фитнес и клубы, отцу, бывшему танковому технику, – выпивку, деду – скоростной Интернет.

Танки – наше все. «Осы», «Лисы», «Хаунды», «Чемпионы», «Тираны» – эти машины изначально разрабатывались для несения службы на Луне, поэтому они были гораздо легче и меньше по габаритам, чем, например, танки Т-90, до сих пор стоящие на вооружении России и множества других стран. Почему? Да потому, что это сейчас там – промышленность, инфраструктура, а до начала XXI века технику приходилось забрасывать с Земли, и доставка каждого килограмма обходилась в кругленькую сумму. На лунных танках впервые применили импульсные двигатели, обеспечив машины полную энергонезависимость, и их в первую очередь оснастили совершенно потрясающими, фантастическими пушками, созданными на основе космических технологий. Танки «лунных» серий состояли лишь на вооружении частных военных компаний, обслуживающих транснациональные корпорации. Корпораты же пресекали инициативы государств оснастить свои жалкие армии аналогичной техникой. Антон был уверен, что его рота в два счета разгромила бы танковый батальон любого государства, включая тех, чьи армии традиционно и скорее по привычке считались самыми сильными.

«Лис» налетчика развернул башню. Антон увел свой танк с линии огня и в следующий миг чертыхнулся и лязгнул зубами, едва не откусив половину языка, – «Оса» со всего маху влетела в котлован, заполненный подмерзшей жидкой грязью и мусором. Большая часть камер на корпусе «Осы» ослепла, те же, что продолжили работать, обеспечивали минималь-

ный угол обзора. Антон снова запустил форсаж, брызги грязи из-под траков подбросило до небес. «Оса» принялась выбираться из котлована.

– Лева, стой! – сквозь бульканье помех докричался Оборотень. – Эта пся крев ждет тебя в «зеленке». Береги брюхо!

Действительно, припорошенный майским снегом, почти непроходимый из-за бурелома и бетонных обломков сквер охватывал котлован полукольцом. Если «Лис» притаился среди деревьев и поджидает в засаде, когда «Оса», выбираясь, подставит башню, а еще лучше – днище, то прыткому засранцу не стоило упрощать жизнь. Антон дал на траки реверс, танк пополз, зарываясь кормой в грязищу, назад. И стоило «Осе» отступить метров на десять, как рядом рванул фугасный снаряд, причем мощность его оказалась такой, что танк Антона подпрыгнул. Стреляла явно не пушка «Шарки», а ее старшая сестра – «Магма». Это означало, что налетчики придержали танк в резерве, чтоб прикрыть тех, кто будет возвращаться с институтскими файлами. И хорошо, если в запасе у них только один танк...

Через три с половиной секунды грянул второй выстрел, и броня «Осы» зазвенела: снаряд неприятеля срикошетил и взорвался метрах в десяти над башней. Поддавшись азарту, неведомый танкист выдвинул машину вперед – на самый край котлована, намереваясь следующим выстрелом наверняка достать бултыхающуюся в болоте «Осу». Антон увидел своего врага: это был «Чемпион» – медленный и тяжелобронированный.

– Лева на связи! Здесь «Чемпион»! – прокричал Антон, надеясь, что ребята его услышат. – Ищите «Лиса», забейте на «Чемпион»! «Лис» не мог укатить далеко!

Но мужики поступили совершенно иначе. Сверкнул молниеносный росчерк: снаряд, выпущенный из рельсовой пушки командиром роты, прошел «Чемпиону» нос.

– Ха! Ну, Босс, ты ваще красава! – раздался голос Верблюда. – Шайтан, слушай!

«Чемпион» – живучий корпус, но все же не бессмертный. Тем более не бессмертен танкист.

Неприятельская машина дала задний ход, но спастись не удалось: «Чемпион» сейчас же попал под перекрестный огонь пушек Оборотня и Верблюда, стреляющих с противоположных сторон котлована. «Чемпион» лишился правого трака и застыл, окутанный густым дымом.

– Я – за «Лисом», – сообщил, оценив обстановку, Антон и снова дал полный вперед.

«Оса», пытаясь, карабкалась по ненадежному склону. Верблюд и Оборотень прекратили пальбу, так как танк Антона оказался в опасной близости от подбитого «Чемпиона». Антон поглядел на изувеченный корпус врага и не стал нажимать на гашетку, чтобы нанести удар милосердия. «Чемпион» развернул башню к «Осе», но угрозы это действие не несло: враг уже не мог сделать выстрел – граненый ствол пушки «Магма» был свернут вбок, точно сломанный нос боксера.

Какие чувства испытывал Антон к поверженному врагу? Уж точно не ненависть. Недовольство, что инцидент произошел в его дежурство, азарт погони, обычную, вполне контролируемую злость, словно в кулачном поединке. Словно дело было не среди радиоактивных руин под ледяным дождем и в свете разрывающихся снарядов, а в спортивном зале на татами.

Примерно год назад Антон очутился в похожей ситуации. Тогда «Гелий Про» заказал ЧВК «Дозор» налет на научный кластер «Крюгер Корпа». Дело было в Рио, и Антону до сих пор временами снился этот город небоскребов, узких улочек и многоярусных пандусов для движения тяжелого транспорта.

Танкистам «Дозора» сообщили, что сам Джимми Крюгер – глава корпорации и гениальный инженер – засел на окраине Рио в подземном лабораторном комплексе, чтобы собственноручно руководить доводкой новейшей энергетической пушки, которой в ближайшем

будущем, по прогнозам спецов «Гелий Про», суждено было совершить переворот в мире вооружения для бронетехники.

Тогда они атаковали на танках без опознавательных знаков. С подводного десантного корабля – на золотой пляж, отделенный от города редкой пальмовой рощей. У Антона был «Лис». . . Вот именно – был. Был да сплыл. . .

Почти сразу они нарвались на кинжальный огонь рельсовых пушек. «Крюгер Корп» охраняла танковая бригада ЧВК «Ангелы Анжелеса», точно так же как «Дозор» обеспечивал безопасность «Гелий Про». «А. А.» расположили «Тираны», вооруженные «Рельсотронами», на пандусах и даже на крышах многоэтажек. Они контролировали все стратегические высоты до одной, они могли бы отразить нападение армии, не говоря уже об одном пиратском нападении. Антону повезло: его «Лис» подбили в числе первых, на перегороженной бетонными блоками улице. Именно поэтому он успел отвести горящий танк вне зоны поражения «Рельсотронов», покинуть машину и вплавь добраться до десантного судна. Само же ощущение, когда твой танк пробивает навывлет разогнанный электромагнитными полями до умопомрачительной скорости вольфрамовый стержень с сердечником из обедненного урана, сродни удару кувалдой по защищенной каской голове. Снаряд рельсовой пушки пробил башню танка Антона под высоким углом и застрял в кормовой броне. Антону пришлось, словно облажавшемуся нубу, сбросить поврежденный бак с топливом для огнемёта, а затем сваливать, поджав хвост.

Сейчас же роли поменялись. Теперь он охранял секреты «Гелий Про», на которые покусились ребята из неизвестной военной компании. Впрочем, «ребята» – лишь исполнители, а заказчиков может быть уйма. Тот же «Крюгер Корп». Или «Изотоп-Мобил». Или вот киевский «Селеннафтагаз» вышел не так давно на международный рынок и уже в состоянии позволить себе частную армию. И у «Селеннафтагаза» вечные терки с «Гелий Про». Чуйка подсказывала Антону, что последнее предположение скорее всего верное и что в эту мерзопакостную ночь ему и товарищам приходится мериться, у кого длиннее и тверже орудийный ствол, с бойцами, нанятыми «Селеннафтагазом».

– Лева, «Лис» работает из укрытия за сельским советом, – сообщил Оборотень. – Только что засадил мне в бочину. Дуй в объезд.

Антон, не глядя, перебрал клавишу системы очистки внешних камер. Картинка на экране улучшилась ненамного: дождь смывал с корпуса грязь, и она текла ручьями, заливая объективы снова и снова.

Медлить было нельзя, «Лис»-беглец пытался переиграть четырех танкистов «Дозора», и пока это ему удавалось. Наверняка за рычагами сидел танкист-ас.

«Оса» двинулась по аллейке, по обе стороны которой возвышались обгоревшие стволы елей. Слева и справа виднелись пустые постаменты; сбитые взрывной волной в день гибели Морозово статуи героев и просто замечательных людей хрустели, размалываясь, под гусеницами.

Антон объехал развалины поселкового совета: «Лис» как сквозь землю провалился. И темно ведь, как у сорок четвертого президента США в заднице. Хоть выбирайся из кабины и ищи с фонариком следы от траков на размокшей земле.

– Ле... ва... два час... – прорезался сквозь помехи Босс.

«Оса» распахала смятые кузова автомобилей, выехала к руинам супермаркета. Медленно двинулась вдоль стоянки, полузатопленной дождевой и талой водой. Пошатнулась оплетенная прошлогодним плющом ферма – часть каркаса строения – и Антон сейчас же вдавил педаль тормоза, развернул башню, захватив подозрительную конструкцию рамкой прицела.

– Босс, это Верблюд, вижу Леву.

Антон перевел дух. Все-таки здорово, когда боевой товарищ прикрывает тебе тыл. Но у Босса было другое видение ситуации.

– Вер...юд... семь... квадрат... окраина... кэриолы.

– Лева, слышь, это Верблюд. Ушел искать кэриолы. Слышь, поймай этого шакала, этого «Лиса», и спусти с него песью шкуру!

Антон кивнул, не сводя глаз с экрана. Прицельная рамка скользила по развалинам, среди которых мог бы укрыться даже «Тиран» с «Рельсотроном», не говоря уже о маленьком и юрком «Лисе».

– Давай, Верблюд. Удачной охоты!

Танк Верблюда покатил, набирая ход, по разбитому асфальту.

– Тогда попробуем так... – Антон нажал на гашетку, и лавина высокотемпературного пламени обрушилась на то, что осталось от супермаркета. Сейчас же, несмотря на дождь, вспыхнуло все, что еще могло гореть. Толстая арматура скручивалась от жара, словно ивовые прутья, угодившие в костер.

«Оса», развернув башню почти на девяносто градусов, поливала огнем развалины, но на экран танкиста была выведена картинка с носовых камер. И в бешеной пляске теней Антон безошибочно вычленил хищный силуэт, спешащий зайти на «Осу» с противоположного борта.

Антон судорожным рывком передвинул танк на несколько метров назад. Снаряд «Шарки» лишь чиркнул «Осу» по носу и взорвался среди пожара, сбив ту самую раскачивающуюся ферму.

«Шарки» перезаряжается быстро: две или полторы секунды, в зависимости от наворотов, которыми оснастил свое орудие танкист. «Оса» тоже быстра, и Антон, закусив губу, разворачивал одновременно танк и его башню. И все же казалось, что рамка прицела изматывающе медленно ползет по освещенным пожаром гудам кирпичей и бетонного лома.

Бум!

Налетчик все же успел перезарядиться. «Шарки», установленный на «Лисе», выплюнул снаряд чуть ли не в упор. «Осу» качнуло, словно малолитражку, в кабине сразу стало жарче и завоняло гарью.

«Оса», конечно, не «Тиран», но одного попадания было мало, чтоб она развалилась. И рамка прицела уже накрыла проворно отступающий во тьму танк неприятеля.

Снова взревело пламя. «Лис» оказался в эпицентре объемного взрыва, и прыть его мгновенно сошла на нет.

Антон подвел «Осу» ближе к врагу, при этом не прекращая жать на гашетку.

– Левицкий, хватит! – раздался в наушниках неожиданно четкий и громкий голос. – Подо мной уже кресло плавится, заглуши пожарку, козел!

Датчик показывал, что баллон огнемета полон еще на четверть. Этого бы хватило, чтобы расплавить импульсный двигатель «Лиса» и превратить легкий танк в грудку шлака. Но Антон все же прекратил огненную потеху. Этот голос был, что привет из прошлого.

– Не узнал, что ли? – поинтересовался тот самый голос.

– Вольдемар? – уточнил Антон. – Сэнсэй?

– Для тебя – товарищ подполковник, нуб!

Эх, давно это было – лет пять назад. Но для двадцатипятилетнего уорент-офицера – словно в другую эпоху, когда трава была зеленее. После зачисления в «Дозор» Антон, уже будучи обстрелянным танкистом, проходил углубленные тренировки ведения полевых операций под руководством майора Влада Энгельса – позывной Вольдемар. Танковый полигон неподалеку от Кунгура аж дымился, вспаханный гусеницами и градом болванок от «Шарки». Вольдемар же возглавлял ту неудачную вылазку в Рио, когда армия, нанятая Джеймсом Крюгером, навалила по полной рейдерам «Гелий Про». Соответственно, Воль-

демар впал в немилость, Дональд Макаров повел бровью, и опытного танкиста, инструктора, которого стажеры уважительно величали «сэнсэм», отправили пинком под зад в свободное плавание. Но видимо, далеко Вольдемар не уплыл, потому что специалисты такого уровня недолго сидят без работы. Не нужно было иметь семь пядей во лбу, чтобы понять, что Вольдемара оперативно взяла под крыло другая ЧВК. Ведь то поражение в Рио трудно было поставить сэнсэю в вину, потому что Джеймсу Крюгеру палец в рот не клади.

И вот они схлестнулись на поле боя, учитель и ученик. Если бы Антона кто-то предупредил, что ему предстоит биться с самим Вольдемаром, то он бы заранее настроился на свое поражение и вряд ли бы вышел из этой схватки живым.

– На кого ты работаешь, сэнсэй? – спросил Антон, пытаясь восстановить контроль над ситуацией.

– Так я тебе и сказал, – парировал Вольдемар. – Я сразу выкупил, что это ты, по манере вождения, она, знаешь ли, индивидуальна – как отпечатки пальцев...

Антон вздохнул.

– Не заговаривай мне зубы. Что с файлами, которые вы свистнули?

– Да у меня вся электроника накрылась, – пожаловался Вольдемар. – Какие файлы... Ты подбил мой танк, теперь пусть ваши копаются в железе, может, найдут пару гигов с жесткой порнушкой.

Вольдемар говорил дело, его право – не отвечать на вопросы. Право «Дозора» – добиться от него ответов и перебрать «Лис» по винтику, если последнее будет необходимо.

– Как сам? – спросил Антон, чтобы не затягивалась пауза. – С Днем Победы, кстати!

– Спасибо, малой, и тебя! Да ничего, все потихоньку... Живем, хлеб жуем. А ты как? Зарплату в «Дозоре» хоть повысили?

– Да уорентам – нет еще, – признался Антон. – Обещают с сентября добавить.

– Догонят и еще раз добавят, – усмехнулся Вольдемар. – Макаров – жлоб среди жлобов. Вот нашим танкам орудия по третьему разу модернизировали, а у вас до сих пор – пукалки нулевые. Только по воробьям из таких стрелять.

– Не скажи, сэнсэй, – ответил Антон. – Но по воробьям тоже можно.

– Не женился еще?

– Не-е, – протянул Антон. – Некогда. Работать надо, деньги зарабатывать.

– Спеши жить, нуб! – рассмеялся Вольдемар. – А деньги всегда успеешь заработать – не тебе ведь в декрет идти!

– Это точно! – согласился Антон.

– Слушай, у меня тут в кабине дышать уже нельзя, я выберусь на воздух?

– Давай, – позволил Антон и на всякий случай взглянул на датчик расхода топлива для огнемёта: шкала снова была полной. – Только без фокусов, ладно?

– Ясен пень, – ответил Вольдемар. – От пожарки далеко не убежишь.

Антон включил фары. В белом свете было отчетливо видно, как распахнулся люк «Лиса». Вольдемар спрыгнул в грязь, его комбинезон дымился. Сорвав шлем, он подставил лицо дождю и снегу...

Бум!

Под ногами Вольдемара вспухла земля. Коротко вспыхнуло, но тут же утонуло в облаке пара оранжевое пламя. На броню «Осы» обрушились тяжелые шлепки грязи и кровавых ошметков. Вольдемар, лишившись обеих ног, отлетел тряпичной куклой к затопленной стоянке и там распластался в воде.

– Ой, а с ним все в порядке? – заржал Оборотень; его «Оса» шла на малой скорости со стороны сельсовета. – Не хотел поранить этого человека, просто кнопка на гашетке западает! – Он снова сипло хохотнул. – Не помешал, Лева?

Ярость захлестнула Антона. Какого черта было стрелять в Вольдемара? Он ведь сдался! И ему секреты «Гелий Про» – до лампочки, он просто выполнял заказ. Ничего личного, только бизнес! Сегодня Вольдемар – налетчик, а Лева и Оборотень – охрана, завтра будет наоборот. Если убивать друг друга в каждой схватке, то ЧВК без танкистов останутся.

– Ну ты и нубиус... – прошипел сквозь зубы Антон, глядя на «Осу» Оборотня через рамку прицела.

И в следующий миг пожар осветил окрашенные в хаки брюха пустых танковых кэриолов: дюжина турбовинтовых транспортов прошла над Морозово на малой высоте.

Для танкистов ЧВК «Дозор» сражение закончилось. «Тиран» Босса въехал на просевшую крышу сельского совета, на фоне пожара его силуэт выглядел впечатляюще – хоть на глянцевую обложку «Танкового обозрения» ставь, – и выстрелил серебристой молнией рельсового заряда. Один из кэриолов превратился в огненный шар. Оборотень и Верблюды заулююкали. Антон сорвал шлем, гарнитуру, открыл люк, впустив в провонявшее горелым пластиком нутро танка холодный сибирский воздух. Затем, прихватив аптечку, направился к телу Вольдемара.

Глава 3

Боюсь, что начинать надо было иначе. Слишком долгий и тяжеловесный пролог у меня получился. Но без предыстории не обойтись, очень уж много фактов и событий обуславливали лунный конфликт, разгоревшийся в конце шестидесятых...

Помню, как Семен Черников, проводя с нами занятие по матчасти, принес однажды любопытное фото. На нем был запечатлен более бронированный, более приземистый, чем наша «Оса», танк. Исчезли изящные, вынесенные вперед траки, исчезли стрелообразность и футуристичность корпуса.

– Это «Хаунд», – сообщил Черников. – Лунный танк, разработанный по заказу Пентагона фирмами «Норд Америкен» и «Локхид» с силовой установкой фирмы «Мартин». Машина, по ряду параметров превосходящая нашу «Осу». С «Хаундами» нам придется иметь дело сами знаете где...

Мы всем отрядом склонились над фото и тут же присели от хохота: на снимке было отчетливо видно, как за танком, вытянувшись в цепочку, волокут электрический кабель черное кожаное солдаты.

– Чего вы ржете? – Черников улыбнулся. – Таким образом западные конкуренты берегут ресурс силовой установки танка и солнечных батарей. Вы хоть представляете, как тяжело было заполучить этот снимок?

Да, шпионские страсти кипели в то время нешуточные. Позднее я узнал, что амеры украли у нас технологию пушки «Шарки», – скопировали ее практически один в один, а затем разработали трехступенчатую систему улучшений. Они даже оставили неофициальное название орудия, чем привели в некоторое замешательство советские спецслужбы. Представьте, выяснилось, что на «Хаундах» будут установлены модифицированные «Шарки»... Под подозрение попал тот самый Шурик Шувалов – любитель слушать рок-н-ролл и переименовывать названия нашей техники на западный манер. Это который называл «Осу» «Васпом»... В общем, погостил Шурик какое-то время на Лубянке, вернулся оттуда тихим и загадочным. И хоть он продолжил балдеть от «Пинк Флойд» и «Роллинг Стоунз», никто от него не услышал больше ни одного варваризма.

– Не хотелось бы тратить деньги советских граждан: лететь на Луну, чтобы проиграть войну. Если «Хаунд» получился более совершенной машиной, стоит ли ждать, что на смену «Осе» придут новые отечественные танки? – спросил как-то раз я Черникова.

Конструктор хитро улыбнулся.

– Скорее всего – нет, – ответил он. – Но у нас существуют кое-какие старые наработки. Я удивленно поднял брови.

– На самом деле возможность ведения войны вне Земли у нас рассматривают с конца сороковых, – поделился Черников. – И «Оса» выросла из этих проектов: танк стал менее массивным, зато более быстрым и маневренным. А в заголовке конструкторского бюро лежит концепция танка «Иосиф Сталин». Проект курировал сам Лаврентий Берия, не хухры-мухры. Увы, о концепте давно известно за океаном, в НАТОвской классификации этот танк идет под названием «Тиран». – Черников поджал губы, потер пальцем морщину на переносице. – Но строить «Тиран» никто не берется, потому что нет ракеты-носителя, способной доставить его на Луну. Так что это проект завтрашнего дня, хоть он и разработан... позавчера.

В общем, снова пришлось сесть за парту. Слава КПСС, привычка учиться, оставшаяся после политеха, еще не покинула меня. Тех же, кому оказалось тяжело воспринимать новую информацию, из отряда исключили. Нас снова стало меньше...

Шли споры, какую форму нам носить. Танкистов? Офицеров связи? Камуфляж без знаков отличия? В итоге в Москве посоветовались и решили, что для большей секретности, для удобства и из соображений экономии мы вообще больше не будем надевать военную форму. Во время занятий и работ с «Осой» нам предписывалось носить спортивные костюмы, на официальные мероприятия – собрания партячейки или по случаю торжественных дат – надевать деловые костюмы с неизменными белыми сорочками и галстуками, словно мы были народными депутатами.

Наш отряд курировал Черников, он требовал, чтобы мы знали каждый узел «Осы», каждый механизм и каждую электронную плату. Мы должны были понимать логику всех процессов, происходящих внутри сложнейшего танка-робота. Необходимо было срастись с боевой машиной, стать ее мозгом и нервной системой. От членов экипажа добивались полного взаимопонимания, от нашей работы – слаженности. Действовать словно одно целое... Нет – быть одним целым. Забыть, что мы сидим в креслах перед пультами, стать душой и разумом нашего танка, нашей «Осы».

Теперь, наверное, стоит остановиться и на некоторых вопросах управления.

Я сижу перед телевизионным экраном, а в руках моих – джойстик. Джойстик – это рычаг с кнопкой на торце. Рычагом я задаю направление движения «Осы», а нажатием на кнопку запускаю электродвижки танка. И родимый едет.

Да, «Оса» – это электромобиль. На Луне нет проку от двигателя внутреннего сгорания, и атомный движок на танк тоже не поставит – некуда отводить излишек тепла. Поэтому в «ОКБ-1» остановились на электричестве. На первых испытаниях «Оса», как и «Хаунд» с фото Черникова, работала «от розетки». Кому только не приходилось таскать за «Осой» кабель: и солдатам-срочникам, и техникам, и даже нам – будущим членам экипажа. Под дождем ли, под палящим солнцем...

«Оса» обладала отличной проходимостью. У автолюбителей, бывало, щемило сердце, когда они наблюдали, как лунный танк взбирается на практически отвесный склон или как преодолевает препятствия: рвы и нагромождения каменных глыб. Каждому казалось, что вот-вот и машина сорвется, не пройдет, застрянет... Но «Оса» справлялась.

В кресле перед пультом движения не ощущалось, звука двигателей тоже не было слышно. С камер шла черно-белая, сильно контрастная картинка. Поначалу мы вообще не могли понять, что перед нами. Например, определяли темное пятно прямо по курсу как тень от скалы, а оказывалось, что это – имитация кратера. И застревали в воронке с осыпающимися краями на целый день.

А поначалу камеры вообще смонтировали на автомобиле «УАЗ-469», и водитель пытался управлять машиной, выполняя команды, поступающие с моего пульта. Проехать удалось с гулькин нос и на черепашьей скорости. Зато мы смогли сформулировать техзадание для инженеров: во-первых, требовалось увеличить угол обзора по принципу «чем больше, тем лучше», во-вторых, стало ясно, что основные камеры нужно было разместить не ниже, чем на высоте человеческого роста. Как только наши пожелания оказались учтены, лед сразу тронулся, управлять стало в разы легче.

Штурман прокладывал маршрут, бортинженер контролировал состояние механической и электронной начинки танка-робота, стрелок управлял орудийной башней, оператор остронаправленной антенны... ну, о последнем – разговор отдельный. Этому специалисту полагалось следить, чтобы антенна «Осы» всегда была направлена в сторону Земли. В условиях сложного лунного рельефа, когда танк будет часто менять направление движения, раскачиваться и подпрыгивать на ухабах, потерять Землю из виду – что два пальца, так сказать... Потерять Землю из виду – значит потерять управление над танком, а допустить этого мы не могли. Когда мы только познакомились с «Осой» на территории «ОКБ-1» в Калининграде, оператора остронаправленной антенны с нами не было, Володя Дорогов присоеди-

нился к экипажу уже после того, как мы переехали в симферопольский Центр дальней космической связи.

Ну, само собой, координировал действия экипажа командир. Он же утверждал маршрут и принимал окончательное решение относительно способа движения, когда Оса оказывалась на особенно трудном участке местности. Естественно, вначале не обходилось без споров и ссор. Инженеры конструкторского бюро активно консультировали нас и в запале едва ли не пытались отобрать джойстики. И Тихонравов, и Черников в таком случае говорили: «Решение принимает только командир танка! Экипаж работает, остальные все вон!»

А вообще, трудились дружно, все переживали за общее дело, каждый старался внести какой-то свой вклад. Так было и в Калининграде, так стало и в Симферополе, куда мы переехали в августе 1968 года.

На лунодроме в симферопольском НИПе мы уже тренировались в условиях, приближенных к боевым. И дело было не только в имитации лунной поверхности на относительно небольшом участке крымской степи. Нам обеспечили запаздывание сигнала, характерное для радиосвязи Земли с Луной, камеры больше не работали в обычном телевизионном стандарте – двадцать четыре кадра в секунду, теперь максимум, на что мы могли рассчитывать, – пять кадров в секунду. То, что мы видели на мониторах, сегодня я бы сравнил с сильно тормозящей компьютерной игрой. Это все – из-за слабой силы сигнала, который по идее мы должны были получать с Луны. Увеличить мощность передатчика на «Осе» было невозможно из-за ограничений по массе и габаритам, поэтому то, чем мы располагали, не могло обеспечить большую скорость и качество передачи телеизображения. А ведь, кроме картинки, «Оса» непрерывно транслировала телеметрическую информацию о состоянии бортовых систем и о том, что происходило вне ее корпуса: приборы измеряли температуру, уровень радиации, плотность грунта.

Незаметно, ненавязчиво все, что было связано с космосом, стало частью моей жизни. Оказалось, что для этого вовсе не обязательно быть зачисленным в отряд космонавтов. Или строить ракеты и космические корабли. Я стал частью коллектива, похожего больше на семью. Вместе мы работали над одним грандиозным делом, и было абсолютно все равно, кто окажется на острие метафорического копья – Сергей Королев, Юрий Гагарин, танк «Оса» – а кто станет древком. Главное, чтобы это копьё поразило цель.

К слову, с Юрием Гагариным мне посчастливилось общаться и даже работать. Первый космонавт был в общих чертах знаком с нашим проектом. В первый раз Гагарин пришел посмотреть, что творится на пункте управления «Осой». В «ОКБ-1» отдельного помещения для нас не нашлось, поэтому пришлось спешно переоборудовать резервный лабораторный корпус. Там был бардак, бухты кабелей под ногами, ящики с радиодетальями, с платами и с железками всякими вдоль стен. И еще постоянно канифолью пахло.

Гагарин пришел, заглянул через плечо командиру нашему – Ване Прокофьеву, заглянул через плечо мне: я как раз выводил «Осу» из танкового бокса. Потом он постоял возле пульта бортиженера, хмыкнул и обратился с наигранной серьезностью к Черникову:

– Зачем столько оборудования, мне понятно. Мне только непонятно, как вам удалось найти столько непьющих трактористов.

Черников рассмеялся. А я, не отрывая взгляда от своего экрана, сказал:

– Обижаете, товарищ майор. Почему это вы решили, что мы непьющие?

Гагарин широко улыбнулся и хлопнул меня по спине. С тех пор инженеры взялись беззлобно подшучивать над нами, называя «непьющими трактористами».

Сентябрь в Крыму – прекрасная пора. Небо очищается от жаркой летней дымки, и теперь над головой прозрачная и по-особенному глубокая синева. Солнце ласково, но ветер свежий, бодрящий. В эту пору мы все немного волновались: Сергей Павлович Королев лег

в Москве на повторную операцию. И на эти же дни было запланировано выведение на орбиту Луны очередного спутника-шпиона. Сергей Павлович прилетел в Симферополь в конце месяца, и все тотчас же приободрились и даже разухабались.

Я столкнулся с Сергеем Павловичем буквально нос к носу в залитом солнечным светом буфете НИПа: он, как и я, зашел сюда за стаканом молока.

– О, непьющий тракторист, – конструктор пожал мне руку. – Все нормально? Жалоб нет?

– Никак нет, товарищ Королев, какие могут быть жалобы? – ответил я. – А как ваше здоровье? – В глаза бросались бледность генерального конструктора, его ссутуленные плечи и слегка заторможенные движения.

– Живы будем, пока не померем, Василий Алексеевич! – так ответил мне Королев.

Доброжелательный тон самого главного и самого засекреченного в СССР конструктора вкупе с панибратской атмосферой, царившей в те дни на НИПе, сделали свое дело, и я позволил себе, наверное, бестактный вопрос:

– А что у вас было?

– То самое, – грустно улыбнулся Королев и ушел.

Черников, который оказался в дверях буфета, проворно отпрыгнул, пропуская Сергея Павловича, а затем решительно подошел ко мне и легонько хлопнул по затылку.

– Нашел, что спрашивать, балда! Геморройные узлы ему удалили. Из послеоперационной палаты – сразу на самолет и к нам. Даже не отлежался.

– Да уж... – смешался я. – Лучше бы о прибавке к зарплате спросил.

– Вот-вот, – кивнул Черников. – Хотя бы так. Думай в следующий раз, танкист!

Командир НИП-10 инженер-полковник Николай Бугаев старался создать для важных гостей – Сергея Павловича и его сподвижников – самые лучшие условия для труда и отдыха. Из ресторана ялтинской гостиницы «Ореанда» был выписан повар, который день и ночь колдовал над всякими яствами. Но Королеву, Черникову и остальным сотрудникам «ОКБ-1» было не до разносолов: шел планомерный штурм Луны. Новейшие королевские ракеты Н-1 и Н-2, словно трудолюбивые лошадки, доставляли на орбиту нашей соседки спутники-шпионы, которым суждено было стать глазами и ушами в будущей кампании. На НИПе кипела работа: проводились оценки параметров траектории космических аппаратов, определялись установки для коррекции, передавались на «борт» и проверялись подтверждения с «борта» – так называемые квитанции.

Поэтому уху из осетрины, свинину, тушенную с яблоками, тортики «Птичье молоко» за вечно занятыми Королевым и компанией пришлось уплетать нам – горе-танкистам. Впрочем, мы тоже пахали как проклятые.

Помню, носились мы однажды по «песочнице». Объехали гравиевую насыпь, а за ней неизвестная машина стоит. Сама как консервная банка на восьми колесах. И многочисленные антенны ее неприятно напоминают тараканьи усы.

– Вася, стоп! – приказал Прокофьев.

Я сейчас же отпустил кнопку на джойстике. «Оса» застыла на месте. Только пыль над корпусом курилась тяжелыми клубами.

– Коля, цельсь! – прозвучал очередной приказ, но Горобец уже держал неопознанный объект на мушке.

– Готов шкварить, – отозвался наш здоровяк.

Прокофьев обратился к Черникову:

– Товарищ руководитель операции, у нас неизвестный объект в зоне прямой видимости. Ждем ваших распоряжений.

Черников удивленно приподнял брови.

– Надо же... Мы не одни на Луне, товарищ капитан! Это планетоход расы хрензнактоидов с Альфы Центавра! Каковы будут ваши действия?

По пункту управления прошел шелест сдержанных смешков.

Прокофьев почесал лоб и заявил:

– Я сейчас же подам рапорт в штаб. Руководитель операции сошел с ума: бредит зелеными человечками. Беру руководство миссией на себя. Товарищ Черников, – командир экипажа строго посмотрел конструктору в глаза, – вы отстранены от командования. Покурите пока, а мы выясним, кто это и зачем к нам пожаловал. Василий, малый вперед!

Я толкнул джойстик и вдавил кнопку. «Оса» поползла к неизвестной машине. На экране кадр сменялся кадром. Это было не телевидение, а какое-то слайдовидение, чтоб мне пусто было. Щелк – одна картинка, щелк – вторая. Вот консервная банка на колесах метрах в пятнадцати от нас, на следующем кадре загадочная машина занимает уже половину экрана.

– Что они делают... Мы все погибнем! – продолжал валять дурака Черников. Он уселся на табуретке, страдальчески обхватил голову руками. – Наша цивилизация обречена!

– Семен Степаныч обчитался братьев Стругацких... – начал было Гришка Апакидзе.

– Разговорчики! – оборвал его командир. – Внимание на экраны. Василий, что думаешь?

– Вряд ли у этой машины боевое назначение, – ответил я, разглядывая неизвестный объект в режиме стоп-кадра. – Слишком уж у нее нефункциональный вид. Никаких опознавательных знаков...

Идрис Алиев подпрыгнул в своем кресле. Боковым зрением я увидел, что часть индикаторов на его инженерном пульте вспыхнула красным.

– Попадание в корму! С левой стороны!

– Это не неопознанный объект, – сказал я.

– Ой, хлопцы, а я в него пальнул... – виновато сообщил Горобец.

Так и есть: на следующем кадре из борта неизвестной машины уже торчала болванка.

– Отставить болтовню! – Прокофьев от волнения поднялся. – Маневрируем! Прячемся за эту хреновину! Башня – назад на сто восемьдесят!

Горобец нажал на свой джойстик, башня развернулась, и мы увидели вторую «Осу» – танк был покрашен в нежно-розовый цвет, словно ноготки девицы на выданье.

– Работай, Горобец! – выпалил командир.

Но вторая «Оса» нас опередила. Розовая «Шарки» выхаркнула болванку, и та мягко клюнула нас в борт.

– Заряд аккумуляторов падает, – доложил Алиев. – Трансмиссия повреждена. Полная остановка двигателей через пять... четыре...

Горобец выстрелил, но промазал: неприятель тоже не стоял на месте. Я попытался провести наш танк за непонятную машину, но не успел. Розовая «Оса» выстрелила в третий раз, и мы замерли.

– Отказ всех систем, – констатировал Алиев.

– Игра окончена, товарищи начинающие танкисты, – подвел итог Черников; он больше не дурачился, вид его был сумрачным. – Внештатная ситуация заставила вас слегка запаниковать, но в целом вы повели себя адекватно. Можно поставить «удовлетворительно».

– Но Семен Степаныч... – Прокофьев развел руками.

– А вот попали бы по второй «Осе» хотя бы раз – поставил бы «четыре»! – Черников поднялся, подошел к телефону, через который связь шла напрямую с «ОКБ-1». – Академика Тихонравова! – потребовал конструктор. – Михаил Клавдиевич! «Осе» нужен глаз на затылке. Нашим ребятам навалили, как мы и предполагали... Хорошо, понял... Будем работать!

Черников повернулся к нам. На сей раз выражение лица его было удрученным. Конструктор отодвинул телефонный аппарат и присел на край стола.

– Дополнительную камеру на танке установить нельзя, – пробормотал он, глядя в пол. – Компоновка и комплектация «Осы» уже утверждена, документы подмахнули ответственные, включая министров обороны и минсредмаша... Такой вот афронт, товарищи. Будете учиться не зевать.

К тому времени, когда он договорил, успело созреть множество вопросов.

– Откуда взялась вторая «Оса»? Кто ею управляет? Что это за неопознанный объект вы нам подсунули? А как нужно было действовать? Вы что, на самом деле думаете, что на Луне мы можем встретить инопланетян?

Черников повел нас в «песочницу».

На лунодром вел один путь – через техзону. Бетонная дорожка петляла, огибая многочисленные антенные станции. Некоторые из них носили красивые имена: «Коралл», «Подснежник», «Ромашка». А часть называлась как ни попадя: «Куб», «Куб-Контур», «Скат». Одни станции прятались под белыми радиопрозрачными куполами, другие словно напоказ выставляли антенны – параболические или в виде решеток. Возле «Куба» и «Подснежника», как всегда, валялось множество мертвых птиц: они погибали, попадая в узконаправленный передающий СВЧ-луч.

Стучали отбойные молотки, трещала электросварка. Техзона расширялась, отвоевая территорию у пожухлой степи. Одного радиотелескопа «ТНА-400» теперь не хватало для работы со всеми аппаратами, выведенными на орбиту Луны. Вскоре у антенны-гиганта должны были появиться братья и сестры. Над недавно отлитыми фундаментами выросли тупые конусы из стали и бетона. Пройдет еще немного времени, и их увенчают чаши антенн размером со стадион каждая.

Сквозь кроны каштанов и кленов виднелись далекие пятиэтажки. Дома выстраивались в единственную в поселке улицу. Улицу Мира. В пятиэтажках жили офицеры НИП-10 с семьями. Кстати, когда для обустройства лунодрома срочно понадобился крымский ракушечник – он больше всего походил по свойствам на твердый лунный грунт, – камень взяли, не мудрствуя лукаво, на местной стройке. Поэтому стены санузлов в новых офицерских квартирах в итоге были сделаны из плоского шифера.

Наш экипаж поселили в общежитии. Мы не имели права даже намекнуть родственникам, чем занимаемся. Я, безусловно, удивил родителей своим желанием остаться в армии. Но в общем, они одобрили такое решение. Служить Родине было делом почетным, правильным. Если выбрал такой путь, значит – дерзай. Никто слова неодобрения высказать не посмеет.

Ну а со свердловской девушкой не очень хорошо получилось. Я просто перестал отвечать на письма. Помню, как менялся ее тон от письма к письму. Сначала беспокойство, потом – беспокойство пополам с недоумением, а затем слова, продиктованные обидой. Я же тогда думал: «И чего она не уgomонится? Неужели не понятно, что я больше не хочу с ней общаться?» Она-то понимала. Видно, это я где-то не догонял. Спрашивается, трудно было черкануть девчонке несколько строк? Но я так и не написал ей ни слова. До сих пор, как вспомню – так словно кто холодной водой окатил из ведра. Стыдно, в общем.

В «песочнице» было жарко. Солнышко высоко стояло над полигоном. Пыль, потревоженная танковыми траками, давно улеглась. Над скалами, сложенными из ноздреватого ракушечника, колыхалось жаркое марево.

Сначала мы подошли к нашей «Осе». На корме сразу отыскались три вмятинки. Мягкие учебные болванки валялись неподалеку. Снаряды легли кучно, Горобец с завистью поцокал языком.

– Снайпер работал! – определил он.

Затем мы собрались возле неопознанной машины. Вблизи сходство с консервной банкой на колесах было еще более заметным. И тем не менее некоторые конструкционные элементы поражали технологичностью. Несколько антенн, одна из которых, как на «Осе», – остронаправленная, какие-то непонятные приборы, вынесенные на корпус в передней части, телефотокамеры, закрытые металлическими створками. Даже колеса, и те были необычными – три обода, покрытые сеткой из стали и снабженные грунтозацепами.

Болванка, выпущенная сдуру Горобцом, вскрыла машине борт. Сквозь пробойну виднелась сложная электронная начинка.

– Это луноход, – сказал Черников. Он легонько пнул одно из сетчатых колес, и над машиной поднялась, словно крышка рояля, скругленная панель солнечной батареи. – Рудимент мирной программы освоения космоса. Под эгидой Академии наук построили три такие машины, они должны были исследовать Луну. – Он хмыкнул и удрученно договорил: – А теперь мы отправляем на Луну танки.

Послышались голоса, зашуршал гравий под каблуками.

– Вот и ваши коллеги. – Черников приосанился. – Прошу любить и жаловать... Если не любить, так хотя бы иметь в виду.

К нам направлялась группа из семи человек. Шестеро носили спортивные костюмы, как и мы. «Спортсменов» сопровождал человек в гражданской одежде. Его я несколько раз видел в «ОКБ-1». Наверняка это был куратор вроде нашего Черникова. Командир экипажа тоже определялся навскидку. Это был низенький, щуплый, рано начавший лысеть малый в очках с круглыми стеклами и со скучающим взглядом. И он первый обратился к нам.

– Мии называеммса «Красный Прорыв», – протянул он с отчетливым прибалтийским акцентом. – Мии вас очень грубо сделать сзади! – Он ухмыльнулся, при этом в глазах его застыло все то же скучающее выражение. А стоящие за его спиной «спортсмены» с готовностью захихикали.

Таким было первое знакомство с коллегами, со вторым экипажем, который тренировали параллельно с нами.

В спортвках, слегка «расслабленные» нашим особым, привилегированным статусом, – со стороны и мы, и они ходили, наверное, на уличную шпану из конкурирующих районов. Вот сейчас сойдемся, слово за слово, потом жди мордобой и поножовщину.

Но мордобоя не случилось. Мы сдержанно пожали друг другу руки.

– «Пятерку» небось получили за нашу тушку, – сказал, глядя сверху вниз на командира «Красного Прорыва», Прокофьев.

Прибалт задумался. Затем за стеклами очков вспыхнуло понимание.

– Мии получили пять баллов! – подтвердил он.

Апакидзе толкнул меня в бок.

– Похоже, в голове у него такая же малокадровая система, как и на «Осе»!

Я прыснул, представив, как в мозгу командира одна картинка натужно, с тормозами сменяется другой. Щелк-щелк!

Черников кашлянул в кулак, переглянулся со вторым куратором и сообщил:

– Завтра начнем совместные тренировки. Выйдете друг против друга, а потом вместе – против «Хаундов».

Биться с «Хаундами» было интересно. Хотя, по сути, они не были настоящими «Хаундами», а только репликами – ходовыми макетами штатовских танков. Макетами разрешили поручить инженерам – из числа разработчиков «Осы». Черников, например, мог сесть за джойстик. Но соль была в том, что «Хаундам» предоставлялось заведомое преимущество: их телесистемы передавали картинку в режиме реального времени, нам же приходилось довольствоваться «слайдами» с «Осы». Для одних это было вроде развлечения, с нас же семь потов сходило. Но было увлекательно.

– Ты. – Командир «Красного Прорыва» ткнул пальцем Прокофьеву в живот. – Ты придумать имя своей команде!

Глава 4

Дед, конечно, был совком и ватником. Упрямый и неуживчивый старикан мог спровоцировать скандал на пустом месте. Временами они тихо ненавидели его всей семьей. И все же Антон торопился сообщить новость в первую очередь именно ему.

И не потому, что питал какие-то особенно теплые чувства к деду, не потому, что нуждался в советах или просто не с кем было поговорить. И поговорить было с кем, и Антону давно не требовались какие-либо консультации, тем более касательно того, как ему строить карьеру.

Но все же заслужить доверие старого морщинистого динозавра было серьезным достижением. Почти таким же, как завоевать «золото» на Олимпиаде. По крайней мере для Антона – уж точно.

Антон небрежно бросил берцы в угол прихожей, надел стоптанные тапочки и пошел сразу к деду. По пути заглянул в зал: отец смотрел телевизор, сидя на диване. Батя подкатил штанины спортивных так, что были видны обе культы. Беспокойные отсветы плазменной панели лежали на лице, половина которого была обезображена ожогом. Перед отцом стоял журнальный столик, усыпанный хлебными крошками и шкурками от вареной колбасы. Пара пустых пластиковых бутылок из-под «Балтики» валялась на пузырящемся линолеуме. Был прайм-тайм, и по телику выступал Дональд Макаров. Говорил он, что россиянам надо потуже затянуть пояса, что кризис – явление временное, вызвано оно тем, что мировая энергетика проходит болезненную переориентацию с углеводородов на изотоп гелия; что США и ЕС обещают выделить для либеральной, прошедшей «перезагрузку» России значительные кредиты и что скоро все будет как сыр в масле кататься, потому что европейцы и американцы приедут и сами обустроят нашу страну.

Дед был у себя в комнате: сидел за выдавшим виды компом и что-то проворно барабанил на клавиатуре, низко наклонив лысую, в пигментных пятнах, голову. В дедовой каморке, как обычно, пахло крепкими сигаретами, сердечными лекарствами и свежим чаем. И как всегда, ярко светила лампа без абажура.

– Чего строчишь? – с ходу спросил Антон; он устроился в дверном проеме, привалившись спиной к косяку.

– Что надо, уорент-офицер? – буркнул дед, не отрывая взгляда от экрана. «Уорент-офицер» он всегда произносил с издевкой, презрительно кривя губы.

– Побазарить хотел, – миролюбиво ответил Антон.

– О чем? – Дед продолжал пялиться в монитор, хотя больше не стучал по клавишам. – О варягах в правительстве? О переиндексации пенсий? Или, может, ты хочешь переехать жить к своему командиру?

Антон подавил сиюминутное раздражение и лишь фыркнул.

– Слюни не разбрасывай! – тут же среагировал дед.

– Я на Луну лечу, – тогда сказал Антон.

Дед замер, только нижняя плохо выбритая губа мелко задрожала. Через миг он перевел взгляд на Антона. В желтых выцветших глазах читалось недоверие. Антон от сих и до сих знал дедову историю. Как тот мечтал попасть в отряд космонавтов, как рвался на Луну, когда там заварилась каша. Дед вдоль и поперек изъездил Океан Бурь на допотопной «Осе» без модификаций. Дед видел больше Луны, чем кто-либо другой в его время, но через телекамеры танка, Антон же увидит своими глазами.

Антон знал: дед все равно обрадуется, ведь нерадивый внук сделает то, что не удалось когда-то ему. Даже если старикан не подаст виду, его все равно будет распирать от гордости.

Это в точности, что он так любит – преемственность, когда от поколения к поколению передается нечто зыбкое вроде идеалов и целей. И когда цель достигается...

Может, хоть тогда он спокойно умрет?

– Ишь ты... – пробормотал дед. – Небось вместо Белки и Стрелки тебя засунут? –

Он пытливо прищурился.

– Нет, – отрезал Антон. – Вместо танкиста. Точнее, в качестве танкиста, охранника территорий «Гелий Про».

– Да как такое может быть? – всплеснул руками дед. – С каких это пор уорентов пускают в космос?

– Мне летеху дали, – улыбнулся Антон. – Отличился я вчера. Отбил нападение на НИИ. Всю роту повысили в звании и дали допуск на космос.

– А-а, – протянул дед, откидываясь на спинку кресла. – Понятно-понятно. А чье нападение было?

– «Селеннафтагаза», – ответил Антон. – Они многих из наших профи перекупили, укрупы. Пришлось валить мужиков... А когда-то из одного котла жрали.

Дед, казалось, только этого и ждал.

– Вот именно! Друг друга убиваем, как дурачье, а пиндосы руки потирают от удовольствия.

Антон отмахнулся.

– Да, людишек хлебом не корми – дай в горло ближнему своему вцепиться! Всегда так было! Вы убивали из-за политики, мы – из-за бизнеса! Суть-то одна, все равно кровь, что вода, льется. И вообще ты со своей американофобией достал!

– Американофобия, говоришь? – Дед нервно поерзал в кресле. – В мой Фейсбук загляни, нуб! Сейчас в друзьях все, против кого я когда-то сражался! Да я и с Армстронгом пил! И с Бином! И с Олдрином!

– У-у, как вообще не спился... – покачал головой Антон.

– Сильного соперника надо уважать! – Дед хлопнул ладонями по подлокотникам. – Сильный соперник не позволяет превратиться в тряпку! Сильный соперник – это гроссмейстер, которого нужно переиграть! А ненавидеть... – Дед посмотрел в сторону, пожевал губами. – Ненавидеть надо предателей. Тех, кто за гроши готов слить тебя, меня, наш город, округ и так далее, братец, ради тех самых бизнес-интересов, о которых ты говоришь. И они сливают! Сливают! Киевский «Селеннафтагаз» пришел на нашу территорию, и вы перебили их людей. Bravo! Молодцы! Идиоты! Мы обескровим друг друга. А потом – бац! – Дед хлопнул ладонями и замер с открытым ртом и выпученными глазами. Антон подумал, что деда хватил удар. Но нет, увы, – старик «отмер».

– Что – бац? Кто – бац? – Антон махнул рукой. – Я называю это «дикий гон».

Старик прикусил прокуренными зубами губу и пожал плечами. Потом повернулся к монитору, что-то выстукал на клавиатуре.

Антон был в курсе, что любимая родина кинула деда. Отсюда вся его озлобленность, скверный нрав и простатит. Так по крайней мере думал Антон. Дело в том, что дед в свое время был слишком засекречен, а документы с именами участников первой лунной кампании давно доели в архивах мыши. Теперь подтвердить свой статус он ничем не может и вместо пенсии участника боевых действий получает хрен с маслом. Если при Путине этот вопрос решался – у деда даже было фото, где он, весь в орденах, пожимает бывшему президенту руку – то пришедший к власти в результате переворота Ветрогонов сразу заявил, что не собирается кормить «дармоедов холодной войны» и что бывшее противостояние держав было «бессмысленной кампанией против мировой демократии». К счастью, вскоре у Ветрогонова не выдержало сердце, и он умер на любовнице, но перед героической кончи-

ной успел раздать федеральные округа на откуп олигархам по примеру того, как это произошло шесть лет назад на Украине.

Кто мог теперь сделать «бац»? США? Разве что с перепугу. Янки сами оболванены и нагло обворованы своими «денежными мешками». Американские танкисты, которые служили в ЧВК «Дозор», так и говорили: нормальное бабло можно поднять теперь или в Сибири, или на Луне.

Китай? Уже вероятнее. Олигархическая, поделенная трансконтинентальными корпорациями Россия Китаю больше не товарищ. Китайская армия – в боевой готовности возле северной границы. Снова вспомнились старые территориальные претензии. В огромном и консервативном Китае много лет не менялся политический строй, и там всегда чутко реагируют на вероятные угрозы.

И опять же «Исламское государство». Хотя мировая экономика теперь не так зависима от углеводородов, исламисты, контролируя арабскую нефть, не оставляют мечту о финансовом мировом господстве. Они уж точно затопчут конкурентов на энергорынке, едва те допустят малейший просчет или слабину.

– Читал в Сети, что у США неподъемный долг перед «Крюгер Корп» и «Изотоп-Мобил», – сказал, чуть успокоившись, дед. – И что «Селеннафтагаз» – это креатура Белого дома. Закачивают в корпорацию деньги, надеясь, что она в ближайшем будущем разорит и «Крюгер», и «Изотоп».

– «Салонафтагаз» в натуре действует дерзко, – согласился Антон. – Но пока у них пушки не того калибра, чтобы тягаться даже с нами. Не говоря уже про «Крюгер» или «Изотоп». Меньше верь тому, что пишут в Сети.

– Ну ладно, – не стал спорить дед. – Жрать будешь? Я гречки сварил и котлет нажарил.

– Из человечины небось? – хмыкнул Антон.

– Дурак, – вяло ругнулся дед. – Как такого на Луну отправлять? Курам на смех только...

Медкомиссию прошел хоть?

Антон ухмыльнулся. Врачей он прошел без сучка и задоринки: всего за десять штук баксов и бутылку коллекционного виски от «Джонни Уолкера». Денег было не жалко, ему бы на Луну выбраться, а там он возместит расходы. Зарплата – в два с половиной раза выше. Плюс многочисленные премиальные – по поводу и без оного. Даже воздух просто так не испортишь, «Гелий Про» все равно премию выпишет. Ну, по крайней мере так говорили ветераны «Дозора», вернувшиеся с Луны. У Антона не было причин им не верить. Стоило только взглянуть на довольные рожи, на новейшие айфоны в унизанных золотыми печатками пальцах, на тачки ветеранов и личные танки. На их женщин, в конце концов.

– Все путем, дед! – Антон показал поднятый большой палец.

Да, все путем. Жизнь налаживается.

– Ну, иди, раз все путем. – Дед пару раз ткнул пальцем в клавиатуру. – Иди, мне еще поработать нужно. И зря котлеты не хочешь. Не из человечины они, а из курятины. Поешь, не то прокляну!

– Не! – выкрикнул уже из коридора Антон. – Спасибо, старик!

Дед подождал, пока за внуком закроется дверь. Потом вздохнул и потер лицо жестом смертельно уставшего человека.

Щелкнула «мышь», на «вордовскую» страницу выползло диалоговое окно. На аватарке дедова собеседника был изображен грозный профиль беркута.

«Небо прояснело, нужно попробовать еще раз», – написал «беркут».

Старик заменил свой статус в диалоговом окне с «Ничего святого(((» на «Подонки пересели на танки(((», свернул «ворд», нашел через проводник особую папку и запустил прятавшееся в ней приложение.

Антону не удалось уйти незаметно.

– Сыно-о-ок! – отец приоткрыл дверь костылем. Он по-прежнему сидел на диване, но на столике, в окружении крошек и колбасных шкурок, теперь стояла только начатая бутылка водки и замызганная рюмка. – Соточку накатишь?

– Не, батя. Я в танке.

Отец печально матюгнулся. А потом спохватился и спросил:

– Слышь, а мать видал? – Один его глаз – лихорадочно блестящий и в пятнах разорванных сосудов – пылливо глядел на Антона, а во втором – затянутом стеклянистой поволокой, похожей на яичный белок, – отражался экран телевизора.

– Нет, не видал, – с неохотой и плохо замаскированным нетерпением ответил Антон.

– На измене я что-то... стремно мне. – Отец влез пятерней под растянутую майку и почесал впалую грудь. – Давненько умотала ведь, да... – Он задумался, затем вспомнил: – Вчера еще умотала!

– Да не беспокойся ты! – Антон фальшиво улыбнулся. – Ей пятьдесят лет. Не изнашивают!

Отец пьяно хохотнул и нашарил рюмку.

– Может, все-таки примешь пятьдесят капель для «сугреву»?

Но Антон уже запрыгнул в берцы и толкнул дверь, впусив в прихожую сырой лестничный дух.

Примерно в девять вечера «Оса» со свежей вмятиной на борту подъехала к парковке клуба «Везувий». Оставляя на асфальте характерный след, танк лихо вырулил на свободное место. Все бы ничего, но туда же метил хромированный «Хаммер».

Столкновения Антон почти не ощутил. Несмотря на то что танк двигался на малой скорости, внедорожнику досталось по самые гланды. Трак ободрал крыло и дверь со стороны водителя; лопнула, словно перезрелый гнойник, фара.

Антон заглушил двигатель, толкнул створку люка.

Водитель «Хаммера» возился с заклинившей дверью. Как только Антон спрыгнул на землю, возня тут же прекратилась.

– Ах ты, сучильда! – послышалось из кабины, и в следующий миг дверь вывалилась, выбитая могучим ударом.

Из кабины выбрался пузатый тип двухметрового роста. Одернув длиннополый пиджак нервным жестом, он направился к «Осе». Антон успел увидеть перепуганные бусинки глаз юной барышни, сжавшейся в комочек на боковом сиденье.

– Глаз нету, урод? – Пузатый навис над Антоном сильно наодеколоненной скалой.

Антон похлопал ладонью по стволу «Шарки».

– Ты меня подрезал, чайник! – ответил в тон пузатому. – Попал, в общем, пассажир. Будешь мне броню новую торчать, беспредельщик. – Он выразительно посмотрел на вмятину, оставшуюся после боя в Морозово.

Водитель «Хаммера» что-то нечленораздельно пробурчал, бросил взгляд на покореженный внедорожник, затем подхватил вывороченный гусеницей «Осы» кусок бордюрного камня.

– Это хорошо, что ты вылез из своего корыта, – пробасил пузатый. – Сейчас посмотрим, кто ты есть без танка.

Антон с вызовом улыбнулся. Низкорослый, жилистый, резкий в движениях, он был не прочь размять кости.

Пузатый выпучил глаза и замахнулся так, что все его подбородки всколыхнулись. Сидящая в машине подруга тонко вскрикнула. И тотчас же и их двоих, и джип, и «Осу» залило ярким светом. На парковку въехал полицейский автомобиль. Коротко взвыла сирена.

– А ну, стоять!

Антон услышал, как хлопнула дверца и как застучали по асфальту каблуки. На фоне стены света возникли два силуэта. Их руки были неестественно длинны, и Антон понял, что полисмены приготовили дубинки. А если они их достают, то на место убирают с большой неохотой.

– Что здесь творите? Документы!

Усатый полицейский забрал новенькое офицерское удостоверение Антона и провел по карточке сканером. Похмыкал, когда ему на сетчатку пришла расшифровка данных. Второй же занялся пузатым.

– Брось камень!

– Спокойно, командир!

– Ты кому говоришь «спокойно»?

– Я – помощник депутата Огрызкова! Знаешь такого?

– В первый раз слышу...

Усатый полицейский вернул Антону удостоверение, быстро отдал честь и сразу же переместился к пузатому.

– Что у нас здесь? – Второй полицейский выудил из кармана пиджака хозяина джипа плотно набитый пакетик. Он поднял находку к свету, и Антон увидел, что в пакетике – белый порошок.

– Эй, мужики! – всполошился пузатый. – Че за дела?! Это не мое!

Он хотел добавить что-то еще, но усатый полицейский, который успел зайти сзади, коротко ударил его дубиной по бритому затылку. Колени пузатого подломились. Хакнув, он упал лицом вниз.

– Товарищ лейтенант, вы, кстати, можете идти, – обратился усатый полицейский к Антону и тут же врезал завозившемуся водителю «Хаммера» ногой в живот.

– Приятного отдыха! – рассеянно улыбнулся второй полицейский, наклоняясь к пузатому с приготовленными наручниками.

– Спасибо, ребята! – ответил Антон, глядя, как полисмены, пыхтя и ругаясь, тащат жир-треста по разбитому траками «Ось» асфальту к своей машине. Затем он подошел к «Хаммеру». Девица была все еще внутри, она куталась в кургузый плащик и дрожала как осиновый лист.

– Я тебе не сильно вечер испортил? – Антон подал девчонке руку, помог выйти.

– Та не, – ответила она, настороженно вертя смазливой мордашкой. – Я с этим жлобом только-только познакомилась.

– Тебя как зовут?

– Диана.

– А меня – Антоха! Диана, как насчет текилы, травы и веселой компании?

– Говно вопрос, – улыбнулась Диана. – С удовольствием!

– Тогда – прошу! – Антон приобнял девчонку и указал свободной рукой на голографическую лаву, брызжущую из вывески клуба «Везувий».

Отличившаяся в Морозово рота собралась в приват-зале в мансарде. Босс, Верблюд, Оборотень. А еще – не участвовавшие в погоне за «Лисом» Хныка, в миру – Жека Рябков, и Бульдозер, по паспорту – Артур Зурабов. Кто сам по себе, кто – в сопровождении девиц разной степени привлекательности и свежести, весело разместились за банкетным столом. Уже был разлит по бокалам коньяк, официанты подавали дымящиеся шашлыки. Танкисты гоготали, не забывая об аперитивах и легких закусках. На огромном плазменном экране во всю стену застыла заставка интернет-канала «Луна-парк». На заставке был скелет в форме танкиста, выглядывающий из люка «Тирана» с пушкой «Магма». Оборотень встал рядом со скелетом и поставил ему «рожки», а Бульдозер сфотографировал этот «перформанс» на новенький айфон.

Дискотечное «туц-туц-туц» едва проникало из соседнего зала. Под высоким сводчатым потолком клубился дым с запахом марихуаны. Верблюд, не таясь, нюхал кокаин с зеркала, которое он позаимствовал из косметички своей чернокожей спутницы. Было уютно и по-свойски, и на лице Антона сразу же появилась широкая улыбка.

– Ле-ва! Ле-ва! – принялись скандировать танкисты, увидев на пороге товарища. Подтолкнув Диану к столу, Антон бросил кожаную куртку на вешалку и поспешил в компанию.

– Ты чего так долго? – спросил Босс немного манерным голосом. Вне службы командир позволял себе расслабиться, хорошо, хоть не водил на вечеринки своих «подружек», что было бы не совсем комильфо.

– Да так, – Антон пожал плечами, – пришлось научить жизни одного нубиуса.

– Наказать нуба – это правильное, годное дело, – одобрил командир, а потом спросил не без ревности: – А что это за мадемуазель с тобой?

– Диана, – представил случайную знакомую Антон.

– Няшка... – Босс подмигнул Диане, а потом забрал у Хныки раскуренный «косяк» и протянул девице. – Дунешь?

– А то!

– Пых-пых-пых! – поддразнил ее Верблюд.

Диана подалась вперед, но Антон оказался проворнее и выхватил «косяк» из крохотных пальчиков с французским маникюром на ногтях.

– Чур, я первый! – загоготал он. – Попустись, малая!

Девица надула губы. Антон глубоко затянулся, подержал дым в легких, затем неспешно, узкой, но плотной струйкой выпустил в потолок.

– Братва-братва! – Босс поднял бокал. – Вы что, жрать сюда пришли? Сорок минут внимания, пожалуйста!

Рота протянула «у-у-у» в мнимом разочаровании.

– Сегодня мы гуляем не просто так, сегодня мы гуляем по поводу! – Босс окинул взором притихшую роту. – Вчера в бою мы еще раз доказали, что круты не только на словах и в пьянке, но и в деле. Мы под орех разделали неприятеля, не понеся потерь. А такого результата удастся добиться далеко не каждому боевому подразделению, поверьте, я знаю, о чем говорю. Воевали против нас не нубы, вы в курсе...

– В курсе, Босс! – поддакнул Антон, вспоминая забрызганное кровью и грязью лицо Вольдемара.

– Короче, Склифосовский! – потребовал Бульдозер.

– Если короче, – не стал ломаться Босс, – тогда всех – с очередным повышением в звании! И пусть нам повезет на Луне!

– Нарубим капусты! – Антон поднял бокал.

– Мы теперь, пся крев, астронавты! – воскликнул Оборотень. Через миг его осенило, и танкист прибавил с еще большим воодушевлением: – Поимеем Луну!

– Да-а! – оскалился Верблюд.

Диана наконец дорвалась до «косяка» и поперхнулась дымом. Антон набросился на шашлык – заедать горячим мясом коньячный жар. Диана передала «косяк» Боссу, выругалась тонким голосом, хваля забористость травы, затем тоже налегла на горячее. Антон с ухмылкой глядел, как девица, торопясь, орудует вилкой и ножом и как летят во все стороны брызги соуса, словно голографическая лава на вывеске клуба.

Заставка «Луна-парка» ожила. Скелет показал компании средний палец, затем нырнул в танк и захлопнул люк. «Тиран» пополз вперед, давя могучими гусеницами черепа, которыми, словно брусчаткой, была вымощена дорога. Из пушки с дымом и пламенем вырвался титр «Арена смерти».

Рота обрадованно загалдела. Бульдозер дернул Босса за рукав.

– Давай еще по одной, пока не началось!

Босс кивнул и принялся наполнять бокалы.

– Меня не вставляет! – пожаловался Хныка.

– Хныка, заткнись! – рявкнули в ответ остальные и сразу же заржали.

На экране тем временем появилось изображение кратера, превращенного в арену. Кратер прикрывал недостроенный купол, на ступенчатых склонах теснились вагончики, установленные для удобства зрителей, но желающие сэкономить могли следить за действием из своих планетоходов, припаркованных здесь же – на вырезанных в лунном базальте террасах.

Внутри арены находился недострой, назначение которого на глаз определить было трудно. Антон предположил, что это – несостоявшаяся военная база времен лунного противостояния. Советская или американская – не разберешь. Советская скорее всего. Американцы так просто своим хозяйством не разбрасывались.

По кругу арены ехали танки. Шесть подсвеченных красными позиционными огнями, шесть – синими. По лунной пыли скользнула тень дискообразного беспилотника, зазвучал мальчишеский голос комментатора:

– На канале «Луна-парк» снова «Арена смерти», меня зовут Чубакка – мохнатый человек, я рад приветствовать поклонников кровавого спорта во всех уголках Земли. Сегодня у нас очередной матч в режиме «команда на команду»...

Антон, рассматривая танки с верхней проекции, уже мог определить их тип. «Красные» – «Чемпион», «Тиран», два «Хаунда», «Лис» и «Оса». «Синие» – два «Чемпиона», два «Лиса», «Хаунд» и «Оса». В принципе силы были равны.

Оборотень выхватил из нагрудного кармана рубашки смятую купюру и швырнул на залитый коньяком стол.

– Полтинник на «синихх»! – заорал он.

– Хоть бы раз на «красных» поставил, фашист! – Антон бросил в Оборотня кольцом маринованного лука из шашлыка.

– Да, на «синихх»! – подхватил зычным ревом Бульдозер.

– Эх, шайтан! Ставлю на «красныхх»! – Верблюд принялся хлопать по карманам в поисках бумажника.

Команды тем временем заняли положение в диаметрально противоположных частях арены. Между ними высились сооружения из пенобетона, окруженные деформированными строительными лесами. Стрела подъемного крана лежала поперек машинного двора, уставленного корпусами списанных лунных машин.

– Напомню зрителям, что команды были сформированы случайно искусственным интеллектом Великой Разностной Машины «Арены смерти», – продолжал комментатор, – и в одной команде могут оказаться танкисты, работающие на разные корпорации. Во время боя, который продлится полчаса, если, конечно, все танки не будут уничтожены до окончания этого срока, бойцам предстоит позабыть о былом соперничестве и неприязни и попытаться работать совместно. Напомню, что за бортом танка – минус сто градусов по Цельсию и нулевое атмосферное давление... или давление – ноль атмосфер, как кому больше нравится, хрен редьки не слаще. То есть если танк подбит, у его водителя практически нет шансов выжить. Вот поэтому в «Арене смерти» участвуют только самые безбашенные танкисты, или – танкисты-асы без царя в башке, и опять же я озвучил несколько вариантов на ваш выбор...

Антон закинул в рот маслину, пригубил коньяк. Закончился десятисекундный отсчет, и танки разъехались. Танкисты, которым уже доводилось воевать на этом поле, спешили занять выгодные позиции. Тех же, кого судьба забросила сюда впервые, норовили упасть на хвост бывалым или принимались осторожно изучать окрестности.

На «плазму» выводились сразу три картинки: общий план с верхней точки, на котором был виден весь кратер, средний с верхней точки – здесь можно было рассмотреть наиболее интересные ситуации с участием нескольких танков, и трансляция с бортовых камер – происходящее «глазами» танкиста.

Сверкнул серебристый росчерк первого рельсового залпа, и рота «Дозора» отреагировала на него сдержанными смешками. Полыхнул и тут же погас взрыв среди лесов – кто-то засадил туда из «Магмы». Обломки, почти невесомые в лунной силе тяжести, поднялись над ареной.

– Команды прощупывают оборону... – прокомментировал Чубакка. – «Лис» «красных» отыскал инженерный тоннель и двинулся по нему на территорию противника... «Чемпион» «синих» сорвался с пандуса и лежит на боку легкой мишенью... добейте его поскорее, чтобы он не мучился!

Поставившие на «синих» одновременно заняли. Тем не менее опростоволосившийся «Чемпион» сдаваться не собирался, он развернул башню так, что дуло его «Рельсотрона» зарылось в грунт. Затем последовал выстрел, «Чемпион» подбросило, после чего танк снова встал на траки.

– Йе-е-е! – Оборотень треснул кулаком по столу.

– Словно кошка, которая всегда падает на лапы, – прокомментировал Чубакка.

Антон ткнул вилкой с куском мяса в экран.

– Ха! Ствол пушки – розочкой! Отвоевался!

– Зато живой, – прохныкал Хныка.

– Ну, это, возможно, ненадолго, – деловито возразил Босс.

Тем временем режиссеры переключили внимание на «Лиса» пробирающегося через тоннель в тыл «синих». Носовая камера быстроходного танка показывала, как мелькают, проносясь мимо, ребристые стены и свод, ствол «Шарки» смотрел на забранный тяжелой тьмой выход. И в следующий миг во тьме ярко вспыхнули фары, ослепив камеру «Лиса».

– В тот же тоннель въехал «Хаунд» «синих», вот незадача, – пояснил Чубакка. – Похоже, танки сцепятся в клинче...

«Лис» и «Хаунд» выстрелили почти одновременно. А потом – еще и еще. У обоих были «Шарки» не самой лучшей модификации. Снаряд летел за снарядом, на корпуса обрушился бронестойный град.

Антон и его товарищи, раскрыв рот, глядели на яростный обмен ударами. Камеры, установленные в кабинах, показывали, что танкистов мотает в креслах, как тряпичных кукол. Затем почти одновременно танки взорвались. Камера в кабине «Хаунда» стала транслировать помехи, а камера «Лиса» позволила увидеть, как вакуум вытягивает из кабины обломки, гарь и ставшую паром кровь танкиста.

– Да они же нубы! – воскликнул Оборотень.

– Это вам урок – как нельзя воевать, – назидательно произнес Босс. – Никаких лоб в лоб!

А Бульдозер швырнул в экран кусок шашлыка, после чего на «плазме» остался потек кетчупа.

Два «Лиса» «синих» выследили потерявшийся на локации «Тиран» и обрушили на его тяжелую тушу шквал снарядов. «Тиран» с перепуга пальнул из «Магмы» и принял своей же броней шрапнель осколков.

Две «Осы» – «красная» и «синяя» – принялись водить хоровод вокруг пирамидальной груды бетонных блоков.

– «Чемпион» занял позицию на возвышенности... – сообщил Чубакка.

Сверкнул росчерк рельсового снаряда, и «синяя» «Оса», вспахав по инерции траками грунт, уткнулась носом в стену.

– «Синие» – минус один, – подытожил Чубакка.

На машинном дворе среди запыленных, побитых метеоритами корпусов сошлись в битве два «Хаунда» «красных» и два «Лиса» «синих». Туда же стали стягиваться и остальные выжившие. Антон неожиданно понял, что теряет интерес к баталии и что ему уже все равно, кто выйдет из смертельной игры победителем. Сердце повисило передачу и затархтело быстрее, к лицу прилила кровь.

Антон наклонился к Диане. Принятый коньяк придал ее ушку вишневым оттенком.

– Мадемуазель, – вкрадчиво начал Антон, – доводилось ли вам, часом, гонять на танке по ночному Екатеринбург?

Диана подавила отрыжку, вытерла губы салфеткой и ответила в том же духе:

– Что вы, что вы, сударь! До сего дня – увы, ни разу!

– Соблаговолите?

– С превеликим удовольствием!

Антон поднялся, помог встать Диане. Подмигнул компании и повел девицу к выходу.

Они пересекли дискотечный зал и вышли на свежий воздух.

– А ты вообще как сам? – со смехом спросила Диана, когда они спустились с крыльца. – Тебе за руль можно? Дорогу хоть видишь?

Антон остановился, чтобы помочиться на заднее колесо ближайшего автомобиля. Это оказался «Лексус» с московскими номерами.

– Нормуль, – ответил танкист, глядя в звездное небо. – У меня нет руля.

– А то я очкую: еще увезешь в Тверь! – Диана прыснула, оперлась, чтобы не упасть, на новенький «мерс», вызвав у противоугонки истерику.

– Я – профи, – успокоил девицу Антон.

Они забрались в кабину. Вообще, «Оса» рассчитана на одного человека, но позади водительского кресла имеется закуток – не шире полки в железнодорожном вагоне, – в котором уставший танкист мог бы притулиться с баночкой пива и планшетом. Такой «роскоши» на обычных «земных» танках, само собой, не было. Диана забралась на узкую сидуху, уперла ногу в туфле с высокой шпилькой в подлокотник кресла Антона.

Импульсный двигатель ожил, «Оса» вздрогнула, словно живая.

– Поехали!

Танк взял с места в карьер. Вспахал гусеницами газон со свежей травой, выехал на дорогу. Со всех сторон принялись сигналить автомобили, но Антону было плевать. Повернувшись к Диане, он сообщил:

– Прикинь, почти на такой же «Осе» мой дед гонял на Луне!

– Ух ты! Дед – космонавт! – восхитилась Диана.

– Нет! Не космонавт! – «Оса», заехав правым траком на тротуар, обошла автомобильный затор. – Мой дед – чиртер! Сидел в безопасном месте, а его танк – воевал.

– Как это – воевал?

– На Луне была война в конце шестидесятых... – Антон срезал угол.

– Да-а? – изумилась Диана. – А не заливаешь?

Антон снова обернулся к спутнице.

– Ты в каком классе учишься?

– На первом курсе... – смутилась Диана. – Буду учиться... если поступлю этим летом! А какая у тебя пушка? – поспешила она сменить тему.

– Пож-жарка! – выпалил Антон и врезал из огнемета по растущим вдоль дороги приземистым елям. Деревья вспыхнули, словно свечи.

– Обалдеть! – оценила Диана. – Уи-и-и! – Она застучала кулачками по спинке сиденья. – Клево! Елочка, гори!

Но Антон уже переключил внимание на дорогу. По встречной полосе ехал «Лис», едва не прогибаясь под тяжестью рельсовой пушки. На башне «Лиса» угадывался символ корпорации «Изотоп-Мобил» – серебристый кристалл.

– Смотри! – Антон ткнул пальцем в экран и загоготал. – Нацепил хреновину не по размеру и думает, что крутой! Выпросил у старшего брата поносить пушку?

Диана подхватила его смех.

– Сейчас возьмем это чучело на понт! – Антон сымитировал лобовую атаку, вильнул на встречную полосу. Уходя от удара, «Лис» протаранил стоящую у обочины машину, въехал, перемешав в кашу бетонную дорожку, в сквер.

Антон и Диана согнулись от хохота пополам.

– Это... это его из-за «Рельсотрона» занесло! – сумел проговорить, хватаясь свободной рукой за бок, Антон.

Опозоренный «Лис» развернул башню и взял «Осу» на прицел. Антон перестал смеяться и врезал полный газ. Рельсовый снаряд мелькнул над дорогой и прошил прицеп фуры, спешащей удалиться на безопасную дистанцию от безбашенных танкистов. Из пробоины на асфальт посыпались замороженные куриные окорочка, Диана снова согнулась от хохота. «Лис» вырвался из сквера и устремился в погоню. От тяжести «Рельсотрона» его ход был шатким, как у пьяного человека. Антон мысленно считал – для перезарядки неприятелю требовалось в среднем шесть секунд.

Раз – столкнуть на обочину дряхлый «жигуленок», некстати оказавшийся на пути.

Два – проскочил перекресток на красный, начхав на ГИБДД.

Три – свернуть в проулок и помчаться по узкой дороге, снося мусорные баки и распугивая кошек.

Четыре – снова резкий поворот, через дворы, ломая скамейки и тараня стоящие автомобили.

Пять – по лестнице, выворачивая ступени, на набережную Исети.

Шесть – спрятаться между опорами моста. Даже если «Лис» настигнет их здесь, то он лишится преимущества перед пожарной, которая хороша в бою на коротких дистанциях.

– Он за нами еще гонится? – с азартом поинтересовалась Диана. Девчонка обняла Антона сзади, уперла подбородок в его плечо, впиалась глазами в экран, на который выводились картинки сразу с нескольких камер.

– По фигу, – ответил Антон, ловя губы Дианы своими. Девица ловко перебралась вперед, уселась на танкисте, откинулась спиной на пульт, позволяя стянуть с нее тонкий свитер и ажурный бюстгальтер.

Глава 5

Генсек Никита Хрущев требовал, чтобы киноплёнки с записями учений с участием лунных танков переправляли ему на госдачу, где он, в кругу родственников и друзей, с большим интересом наблюдал за ходом маневров. По слухам, в те годы среди партийной элиты было особым шиком делать ставки на определенные танки и экипажи. Мы, сами о том не подозревая, становились чьими-то фаворитами или аутсайдерами. Изредка отголоски страстей, бушевавших за кумачовой завесой, доносились до нас. Это были приятные неожиданности: ящик шампанского, именные портсигары, заграничные шмотки. Мы спрашивали: от кого? Нам отвечали: «От ЦК» и делали загадочные глаза, мол, берите молча и идите служите дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.